

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

ГОРЕЦ С ДУШОЙ ПОЭТА

Махачкала, 2013 г.

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

ГОРЕЦ С ДУШОЙ ПОЭТА

**Сценарий к литературному вечеру
по мотивам произведения
РАСУЛА ГАМЗАТОВА
«МОЙ ДАГЕСТАН»**

Махачкала, 2013 г.

Уважаемые коллеги!

8 сентября 2013 года исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося поэта современности Расула Гамзатова. В честь этого знаменательного события Республиканский Дом народного творчества МК РД предлагает методико-практические рекомендации по проведению мероприятий, посвященных 90-летию поэта на клубной сцене «Горец с душой поэта» сценарием к литературному вечеру по мотивам произведения Расула Гамзатова «Мой Дагестан».

«Мой Дагестан» – это книга о любви к своей земле, книга благодарности судьбе за счастье быть поэтом. И чем дальше уходит последняя строка поэта, тем она современной и ближе нам. При жизни мастер получил всемирное признание, звание народного поэта Дагестана, дипломы лучшего поэта планеты XX века. Сам же Расул Гамзатов главным своим званием считал звание Поэта, поэтому уже при жизни народ его наградил титулом Великий. Он венчал собой целую эпоху. Эпоху славы Дагестана.

Сегодня Дагестан Расула Гамзатова изменился во многом, но именно сейчас его творческое завещание, прописанное в «Моем Дагестане», может стать целительной силой и крепкой опорой его землякам, с тем, чтобы в Стране гор был мир, не было вражды, царили

любовь и уважение, красота, культура общения и стремление сохранить все это.

Автор широко известных книг по проблемам национальной политики, государственного и культурного строительства Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов, врио Президента РД, в своей книге «Мой дагестанский народ» исследует многовековую историю и богатейший социально-культурный опыт дагестанского народа.

Взгляд автора устремлен в будущее Дагестана, которое связано с главным смыслом и общими перспективами всего многонационального народа Российской Федерации.

Авторская позиция убедительно подкреплена цитатами из книги народного поэта Расула Гамзатова «Мой Дагестан», где есть и дипломатия, и знание истории, и философский ключ понимания не только прошлого, настоящего, но и будущего.

Мудрое слово поэта, как глубокая цитата сопровождает почти каждую главу книги «Мой дагестанский народ» Р.Г.Абдулатипова, образуя своеобразный постскрипtum.

Это еще одно подтверждение «живого» слова о любви к своему Дагестану, поэтому, начиная от детей до серьезных политиков, к нему

обращаются вновь и вновь к «Горцу с душой поэта» – Расулу Гамзатову.

Надеемся, что данное издание, содержащее сценарий по книге Расула Гамзатова «Мой Дагестан», поможет клубным работникам в подготовке литературных вечеров, других мероприятий, посвященных творчеству Расула Гамзатова.

ГОРЕЦ С ДУШОЙ ПОЭТА

*Сценарий вечера в клубе, посвященного
народному поэту Дагестана
Расулу Гамзатову.*

*За столами на сцене сидят участники вечера,
ведущая с микрофоном обращается к
присутствующим.*

Ведущая: Чтобы лучше понять душу народа, нужно увидеть, как он танцует и поет. Давайте посмотрим народный танец Дагестана – лезгинку.

Просмотр видео лезгинки.

Ведущая: Лучшим и любимым сыном дагестанского народа является народный поэт Дагестана Расул Гамзатов.

Расул Гамзатович Гамзатов родился в сентябре – это месяц плодородия, буйства красок в природе, месяц свадеб и хмельного вина. Он родился в начале прошлого века в 1923 году, в горном селении Цада, что в Дагестане.

Родился я в горах, где по ущелью
Летит река в стремительном броске,
Где песни над моею колыбелью
Мать пела на аварском языке.

1-й стол:

Когда родился я, отец, чтобы исполнить обряд наречения, пригласил в саклю самых почтенных людей аула. Они неторопливо и важно расселись в сакле, словно предстояло решать судьбу целой страны. В руках держали по пузатенькому изделию балхарских гончаров. В кувшинах была, конечно, пенистая буза. Только у одного, самого старого человека с белоснежной головой и бородой, у старца, похожего на пророка, руки были свободны.

Этому-то старцу передала меня мать, выйдя из другой комнаты. Я барахтался на руках старца, а мать между тем говорила.

- Ты пел на моей свадьбе, держа в руках то пандур, то бубен. Песни твои были хороши. Какую песню ты споешь сейчас, держа в руках моего младенца.

- О женщина! Песни ему будешь петь ты, качая его колыбель. А потом песни ему пусть поют птицы, реки. Сабли и пули тоже пусть поют

ему песни. Лучшую из песен пусть споет ему невеста.

- Тогда назови. Пусть я, мать, пусть весь аул и весь Дагестан услышат имя, которое ты сейчас назовешь.

Старец поднял меня высоко к потолку сакли и произнес:

- Имя девочки должно быть подобно сиянию звезды или нежности цветка. В имени мужчины должны воплощаться звон сабель и мудрость книг. Много имен узнал я, читая книги, много имен услышал я в звоне сабель. Мои книги и мои сабли шепчут мне теперь имя - РАСУЛ.

Старец, похожий на пророка, наклонился над одним моим ухом и шепнул: "Расул". Потом он наклонился над моим другим ухом и громко крикнул: "Расул!" Потом он подал меня, плачущего, моей матери и, обращаясь к ней и ко всем, сидящим в сакле, сказал:

- Вот и Расул.

Сидящие в сакле молчаливым согласием утвердили мое имя. Старцы опрокинули кувшины, и каждый, вытирая рукой усы, громко крикнул.

Две вещи должен беречь каждый горец: папаху и имя. Папаха может оказаться тяжелой. Имя тоже. Оказывается, седовласый горец, повидавший мир и прочитавший много книг, вложил в мое имя смысл и цель.

Расул по-арабски означает "посланец", или еще точнее, "представитель". Так чей же я посланец, чей представитель?

Ведущая:

Расулом

Мой отец меня нарек,

Что по-арабски представитель значит...

Чей представитель я?..

С каких дорог

И для чего мой путь по свету начат?..

.....

Земля прекрасна, и широк мой путь,

И я мечтаю, как о высшем счастье,

Чтоб был и я, земля, хоть чем–нибудь

К великой красоте твоей причастен!

Чтоб без стыда сказал народ родной:

«Расул, мой сын,

Ты представитель мой!

1-ый стол

Из произведения «Мой Дагестан»: «В дагестанском ауле Цовкра – ауле знаменитых канатоходцев – днем рождения сына считают тот день, когда маленький мальчик начинает впервые ходить по канату, а в ауле знаменитых златокузнецов Кубачи днем рождения сына считается тот день, когда мальчик приносит отцу свою первую работу - нанесенные на серебро узоры – и когда обрадованный отец говорит: « Вот и у меня родился сын!»».

Мне вспоминается картина: аул Цада. Весна. Впервые безусый юнец выходит пахать каменистую землю; второй – его сверстник – впервые приступает к постройке дома; третий – оседлав коня, впервые отправляется в дальнюю дорогу, и, глядя на них, мой довольный отец говорит: «Как много сыновей родилось нынешней весной в нашем маленьком ауле».

О человеке без призвания и таланта, который не приносит пользы своим трудом, не знает сердечной дружбы, не мечтает о подвигах, в горах говорят: «Дожил до седин, а на свет не родился».

(из статьи Р.Гамзатова «Верность таланту»)

....мне трудно сейчас сказать: когда я родился? Может быть, это было тогда, когда я одиннадцатилетним мальчишкой, еще не носившим ремня и не оседлавшим коня, лежа на бычьей шкуре, что была расстелена на плоской крыше сакли, написал свое первое стихотворение.

Или, может быть, это случилось позже – когда впервые в школьной стенной газете появилось мое первое стихотворение... Я не знаю, когда мой отец, скупой на похвалу, сказал в душе своей: «Вот и у меня родился сын». Вся жизнь и творчество поэта связаны с родным его сердцу Дагестаном. Он впитал его культуру, традиции, обычаи и сам стал национальным достоянием. А чтобы лучше понять духовный мир поэта, необходимо прикоснуться к его культуре. Учащиеся Сорокского колледжа искусств исполняют танец народа Кавказа.

Исполнение танца.

Ведущая: Отец, знаменитый поэт Дагестана, был первым его учителем и наставником в поэтическом искусстве. Свое первое

стихотворение юный поэт написал в возрасте 11 лет.

«Первое стихотворение»

Собр.соч.т1,стр.196

Одни хвалили его стихи, другие считали, что для «одной Аварии одного Гамзатова достаточно»

2-ой стол. Расул начал писать стихи в 1932 году, печататься – в 1937 году. Его первая книга на аварском языке вышла в 1943 году. Он также переводил на аварский язык классическую и современную русскую литературу: Пушкина и Лермонтова, Маяковского и Есенина. После окончания Буйнакского педучилища Расул Цадаса стал работать учителем в школе, которую когда-то окончил. Но даже тогда, он не знал, посвятит ли всю свою жизнь такой капризной музе, как Поэзия.

Из книги «Мой Дагестан»: «Но был в те времена один человек, и вот я мечтал, чтобы он обратил внимание на мои стихи. Я думал: только он поймет и оценит. Это был Эфенди Капиев». Однажды Расул Гамзатов прочел несколько своих

стихотворений, уже переведенных на русский язык, Эффенди Капиеву, и тот посоветовал ему поехать учиться в Москву. Через 2 года после этого разговора он отправился в столицу – поступать в Литературный институт имени А. М. Горького. Директор института Федор Васильевич Гладков, прочитав его стихи, хотя и видел, что Гамзатов плохо владеет русским языком, а написанный им диктант был таким пестрым от карандашных поправок, что казалось, будто на нем дрались воробьи, все же написал его фамилию среди принятых. С 1945 по 1950 годы учился в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве.

Когда-то стихи мы друг другу

Читали в пылу молодом,

И строфы ходили по кругу,

Как будто бы чаша с вином.

Все помнят лицейские своды

От святости и до грехов.

Друг другу, как в лучшие годы,

Уж мы не читаем стихов.

(Стихотворение «Сокурсникам литинститута»).

Ведущая: В 1950 году Расул Гамзатов окончил Литературный институт. «Благодаря русским переводам мои стихи прочитали другие народности Дагестана», а я отмечу, и всего мира.

На вопрос: «Как рождаются стихи?» Расул Гамзатов отвечает:

— Стихов ждут, как ждут любимую девушку на свидание. Ты мучаешься, страдаешь, а она все не идет. И вдруг! — «Муза, ты ли это?» Наступает счастливое мгновение и появляются, случаются стихи! Никто не может знать, какие впечатления, какие токи любви и ненависти пробегают по бесчисленным проводам моего организма, никто не может этого уловить. Но — возникает стихотворение — наивысшее нечто, созданное моей душой из жизненных впечатлений.

Из книги Р.Гамзатова «Мой Дагестан»:

*Поэзия,
я был бы без тебя
сиротой*

Мир был бы без тебя пещерой, что темна,
О солнце не имеющей понятия.
Иль небом, где звезда не светит ни одна,
Любовью, не слыхавшей про объятья.
Мир был бы морем,но без синевы,
Без этой вечно блещущей прохлады,
Иль садом без цветов и без травы,
Без пенья соловья или цикады.
Деревья стали б голы и черны,
Сплошной ноябрь: ни лет, ни зим, ни весен,
А люди б стали дики и бедны.
А песни... Песен не было бы вовсе.

*Ведущая предлагает гостям прочесть любимые
стихи Р.Гамзатова.*

Стихи о родной земле, о мужской чести, о дружбе, о поэзии читают гости встречи.

Ведущая: Очень многие из его современников могли бы назвать себя другом Расула Гамзатова. Я приведу воспоминания Юрия Борисовича Бореева – это теоретик культуры, эстетик, член Международной ассоциации эстетиков. Вот, что он писал о Р.Гамзатове: «Настоящий горец. Восточный человек. Аварец. Весельчак, жизнелюб и мудрец. Щедрый и гостеприимный человек. Лучший тамада Кавказа и его окрестностей. Помню один из тостов, поднятых Расулом в застолье за меня: "Выпьем за Юру Борева. У него было много возможностей стать подлецом, но он ни разу не воспользовался этими возможностями".

Поговорить с Гамзатовым – это, как выпить чистой родниковой воды в жару. Сколько житейской мудрости! Сколько метафизических философских суждений! Сколько остроумия!

Вот, например, надпись на стене ресторана Центрального дома литераторов:

Пить можно всем.
Необходимо только,
Знать, где и с кем,
Когда, за что и сколько.

Просмотр видео М.Магомаев

«Разве тот мужчина».

3-ий стол:

Мы сегодня уже не раз обращались к книге Р.Гамзатова «Мой Дагестан». Это самая удивительная книга в прозе: живая и глубокая, самобытная и лирическая, философская и ироничная, мудрая и афористичная. Её называют «лирико-философской энциклопедией малого народа».

Предлагаю всем вместе окунуться в мир сказаний, легенд, притчей, различных историй, воспоминаний, написанных мудрым, лиричным, обладающим тонким юмором автором книги.

Притча о богатом хане, о его сыне и о хинкале из курдюка с чесноком. Т.4.,стр.324-325

Некогда жил в Аваристане богатый хан. Трижды женился он в стремлении иметь сына, но ни одна жена не родила ему не только наследника, но даже дочери. Пришлось хану жениться в четвертый раз.

Скоро ли, долго ли, родился у хана сын. Радости не было конца. Били в барабаны, трубили в бубны, плясали, пели. Пировали три дня и три ночи.

Но недолго прожила радость в роскошном ханском дворце. Вскоре сын заболел, и никто не мог определить, что за болезнь. Какие бы колыбельные песни ему ни пели, он не спал. Какие бы яства ему ни давали, он не ел. И все видели, что дни его сочтены. Ни доктора из заморских стран, ни индийские талисманы, ни тибетские травы не могли излечить единственного наследника. А хан, наверно, не пережил бы его.

И вот пришел к хану простой бедняк из ближнего аула, которого никто не считал за человека. Он заявил, что знает средство и может спасти наследника. Приближенные хана хотели вытолкнуть бедняка, но хан их остановил. "Так и так сын умрет, - подумал хан, - отчего же не попробовать последнего средства".

- Что тебе нужно для того, чтобы спасти моего сына?

- Мне нужно побыть с твоей женой наедине.

- Как? Наедине?! С моей женой! Да ты с ума сошел! Вон с моих глаз!

Бедняк повернулся и пошел, а хан подумал. "Так и так сын умрет. Какой мне будет вред, если он поговорит с моей женой с глазу на глаз".

- Эй, бедняк, воротись, мы передумали. Тебе разрешается говорить с моей женой.

Когда бедняк и ханша остались вдвоем, бедняк спросил:

- Ты хочешь, чтобы твой сын был жив и здоров? Ханша вместо ответа упала на колени.

- Тогда скажи, кто его настоящий отец? Глаза ханши забегали из стороны в сторону.

- Не стесняйся. Наш разговор мы унесем в могилу. А иначе сын не выживет.

- Хан очень хотел сына. Я знала, что если не рожу, то меня прогонят, как прогнали уже других. И вот я поехала в горы и спала там с простым молодым чабаном, и после этого родился наследник.

- О высокий хан, - возвестил лекарь после этой беседы - Я знаю средство, которое спасет твоего сына. С этой минуты его колыбель должна стоять около костра, подобного тому, какой разводят чабаны в горах. Постлать ему в колыбель нужно овечью шкуру, а кормить его нужно только пищей, которую едят твои чабаны.

- Но... они едят хинкал из жирного курдюка с чесноком. Как же может мой наследник... годовалый ребенок...

Бедняк повернулся и пошел. "Так и так сын умрет", - подумал хан и велел принести блюдо с хинкалом.

Ханша сама взялась готовить еду. Она готовила хинкал так, как готовила тогда в горах молодому богатырю перед той ночью, лучшей из всех ее ночей. Она поставила деревянное блюдо перед сыном так же, как поставила тогда блюдо перед чабаном.

Хинкалы были большие и круглые, как булыжники. Вареный курдюк источал жир. Отдельно в кувшине была подана родниковая горная вода.

Как только запах чеснока и вареного жира коснулся ноздрей наследника, он открыл глаза и поднялся, воспрянул и вдруг обеими ручонками схватил самый большой хинкал. С этого мгновения сила отца начала переливаться в ребенка. Он пожирал хинкал, как оголодавший лев. Он рос не по дням, а по часам и вскоре превратился в стройного здорового молодца. От болезни, конечно, не осталось и следа.

Может быть и не было такого случая на самом деле, но я знаю одно: когда литература перестанет питаться пищей своих отцов, а перейдет на иные изысканные заморские блюда,

когда она переменит нравы и обычаи, язык и характер своего народа, когда она изменит им, она захиреет и зачахнет, и не помогут ей никакие лекарства.

МОЙ ДАГЕСТАН

Когда я, объездивший множество стран,
Усталый с дороги домой воротился,
Склонясь надо мною, спросил Дагестан:
"Не край ли далекий тебе полюбился?"

На гору взошел я и с той высоты,
Всею грудью вздохнув, Дагестану ответил:
"Немало краев повидал я, но ты
По-прежнему самый любимый на свете.

Я, может, в любви тебе редко клянусь,
Не ново любить, но и клясться не ново,

Я молча люблю, потому что боюсь:

Поблекнет стократ повторенное слово.

И если тебе всякий сын этих мест,

Крича, как глашатай, в любви будет клясться,

То каменным скалам твоим надоест

И слушать, и эхом вдали отзываться.

Когда утопал ты в слезах и крови,

Твои сыновья, говорившие мало,

Шли на смерть, и клятвой в сыновней любви

Звучала жестокая песня кинжала.

И после, когда затихали бои,

Тебе, Дагестан мой, в любви настоящей

Клялись молчаливые дети твои

Стучащей киркой и косою звенящей.

Веками учил ты и всех и меня
Трудиться и жить не шумливо, но смело,
Учил ты, что слово дороже коня,
А горцы коней не седлают без дела.

И все же, вернувшись к тебе из чужих,
Далеких столиц, и болтливых и лживых,
Мне трудно молчать, слыша голос твоих
Поющих потоков и гор горделивых.

Просмотр видео И.Кобзон

«Покуда вертится земля».

4-ый стол: Свои самые светлые, самые страстные, самые чувственные стихи поэт посвятил женщине. Любовь к женщине – вот самая преданная муза поэта. А образом, в котором воплотились все лучшие качества любимых женщин, стал образ его жены Патимат. У Гамзатова часто спрашивали: «Как Вы

познакомились со своей Патимат? - Не знакомился вовсе! Мы родились в одном ауле. Ее родители были богатые люди, деньги давали мне, чтобы я присматривал за ней в люльке. Потом, когда она выросла, я без денег готов был смотреть. Она согласилась, я женился... - и с наигранным сожалением: - А иначе у меня была бы большая богатая история любви... Не пришлось похищать на белом коне...».

ТЫ МАЛЮСЕНЬКОЙ КРОШКОЙ ПРИШЛА

В мир, который огромней громад.

Мать кормила тебя, берегла:

Патимат, Патимат, Патимат.

Мчатся годы своим чередом

Две косички бедой мне грозят.

Я шепчу под знакомым окном:

Патимат, Патимат, Патимат.

Наши дочки чисты, как родник.

На тебя восхищенно глядят.
Словно доброе солнце для них –
Патимат, Патимат, Патимат.
Красоте твоей радуюсь я
И твержу похвалы невпопад.
Ты судьба и молитва моя:
Патимат, Патимат, Патимат.

Прошло время и Гамзатов посвятит своей
Патимат лучшие свои стихи:

Я о тебе, кто мне всего дороже,
Боюсь писать стихи. Вдруг, их прочтя,
Другой, меня достойней и моложе,
Тебя полюбит, тоже не шутя.
Я о тебе, кто мне всего дороже,
Боюсь писать. Вдруг кто-нибудь, любя,

Заговорит с другой, любимой тоже,

Словами, что нашел я для тебя.

Просмотр видео Ю. Антонов «Я тебя не забуду».

Ведущая: Р. Гамзатов пишет стихи о любви с особой искренностью и почтением. В каждом стихотворении поэт вновь и вновь утверждает всемогущество самого сильного чувства на земле.

Ведущая предлагает гостям прочесть любимые стихи Р. Гамзатова

Стихи о любви читают гости.

Ведущая: Из книги Гамзатова «Мой Дагестан»: «Красиво любить, тоже нужен талант. Может быть, любви талант нужен больше, чем любовь таланту, любовь сопутствует таланту, но не заменит его».

5-й стол: Стихи и поэмы Расула Гамзатова переводили на русский язык друзья-поэты Наум Гребнев, Яков Козловский, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Юнна Мориц и Марина Ахмедова. Гамзатова переводили на многие языки мира, в том числе и на румынский язык. Среди переводчиков его

стихов такие авторы, как П. Кэраре, который перевел его книгу прозы «Мой Дагестан» и самое знаменитое стихотворение «Журавли» («Cocorii»), его стихи переводили также румынские поэты-переводчики Титу Ионович, Томозей Георгий и др.

Чтение стихотворения на румынском языке.

"Limba maternă»

«Родной язык».

Сам Расул Гамзатов перевел на аварский язык стихи и поэмы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Блока, Маяковского, Есенина, стихи поэтов Пушкинской плеяды, арабского поэта Абдул Азиз Ходжи и многих других авторов.

Гамзатовым было написано более сорока книг. Во всех них он писал о Любви к женщине, людям, земле, Родине и человечеству.

Просмотр интернет-ролика М.Магомаев «С женщиной наедине».

6-ой стол: Как мы знаем, многие его стихи стали песнями – «Журавли», «Исчезли солнечные дни»

и многие другие. Расул Гамзатов тесно работал со многими композиторами, среди которых Дмитрий Кабалевский, Ян Френкель, Раймонд Паулс, Юрий Антонов, Александра Пахмутова.

«Рождение песни»

Собр.соч.т2, стр.182

Строка без музыки – бескрыла,
Ты удружи мне, удружи
И все, что в слове сердцу мило,
На музыку переложи.
Не забывая слез соленных,
Ты радость людям приноси
И на полях любви сраженных
Благослови и воскреси.
Возьми слова мои, и если
В них землю с небом породнишь,
Они, пожалуй, станут песней,
Взлетев как птицы с горских крыш.

Его песни исполняли Анна Герман, Галина Вишневская, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев, София Ротару, Вахтанг Кикабидзе.

*Просмотр видео Бюль Бюль Оглы «Даллалай»,
С.Захаров «Любовь».*

7-ой стол: Каждое литературное произведение имеет свою судьбу. Интересна судьба песни «Журавли», которой поэт посвятил в своей прозаической книге «Мой Дагестан» несколько страниц:

«... Эта песня родилась у меня в 1965 году в городе Хиросиме. О трагедии этого города написано много, и я возложил венок своих горестных стихов у памятника жертвам большой беды века - написал поэму «Колокол Хиросимы», который ежедневно звонит о погибших, написал о рояле Хиросимы, чьи сгоревшие клавиши играли во мне музыку страшной трагедии, написал о хиросимских часах, которые навечно остановились утром 6 августа 1945 года, в 8 часов 15 минут.

Песня «Журавли» стоит особняком.

*Неожиданно для меня она стала больше чем
стихи...*

Увидев в Хиросиме проект памятника, простой японской девочке с журавлем в руках, узнав ее историю, я испытал глубокое волнение, которое вылилось потом в стихи. Девочка лежала в госпитале и должна была вырезать из бумаги тысячу журавлей в надежде на выздоровление, но не успела - скончалась.

Потом, уже у памятника японской девочке с белым журавлем, я видел впечатляющее зрелище - тысячи и тысячи женщин в белой одежде. Дело в том, что в трауре японские женщины носят белое одеяние, а не черное, как у нас. Случилось так, что когда я стоял в толпе в центре человеческого горя, в небе появились вдруг настоящие журавли. Говорили, что они прилетели из Сибири. Их стая была небольшая, и в этой стае я заметил маленький промежуток».

Потом была телеграмма о кончине матери. По дороге домой, на всей воздушной трассе, поэт думал о матери, о погибших двух братьях, о

миллионах, не вернувшихся с войны, женщинах в белом одеянии и о многом другом, но мысли поэта все время возвращались к белым журавлям.

Мне кажется порою, что джигиты,
С кровавых не пришедшие полей,
В могилах братских не были зарыты,
А превратились в белых журавлей...

В 1968 году стихотворение «Журавли» в переводе Наума Гребнева было напечатано в журнале «Новый мир». Стихотворение «Журавли», напечатанное в журнале, попало на глаза певцу Марку Бернесу.

Сам Бернес в войну никогда не участвовал в боях, но он выступал с концертами на передовой. И особенно ему удавались песни, посвященные войне. Очевидно, что война тоже была его личной темой.

Прочитав стихотворение «Журавли», возбуждённый Бернес позвонил поэту-переводчику Науму Гребневу и сказал, что хочет сделать песню. По телефону сразу же обсудили некоторые изменения в тексте. Расул Гамзатов

вспоминал: «Вместе с переводчиком мы сочли пожелания певца справедливыми, и вместо „джигиты“ написали „солдаты“. Это как бы расширило адрес песни, придало ей общечеловеческое звучание».

Сегодня крик журавлиный продолжает звать всех нас, живущих на Земле, к миру, братству, единению.

Прислушайтесь, пожалуйста, к журавлиному крику!

Запись журавлиного крика.

Исполнение песни. Песню «Журавли»

исполняют все присутствующие на вечере.

(Зажигаются свечи, на фоне музыки

звучат слова)

Ведущая: Да будет нескончаемо долгой благодарная память о великом поэте, нашедшем своё место в улетающей стае белых журавлей.

Памяти Расула Гамзатова

Виктор Ергин

Ты ушел... но оставил свой след
Меж проплешин веков и столетий.
Каждый век обозначит привет
Новой книгой из старых соцветий.

Возрождался ты в песнях не раз –
Ты в поэзии, как буревестник,
И прародина Ноя Кавказ
Будет петь из стихов эти песни.

Пусть ушел твой томящийся дух
Из уставшего тела на небо,
Но живет человеческий слух
Словом всяким духовного хлеба;

Но запомнит наш мир каждый шаг,
Что твоим отозвался словом
В каждом сердце, у всех на устах,
И во времени старом, и новом.

Приложение

Выдержки из книги Расула Гамзатова «Мой Дагестан»

СЛОВО О СКАЗКАХ МОЕГО ДЕТСТВА

Мой отец любил проверять ум и находчивость своих сыновей и задавал нам неожиданные вопросы. Помню, однажды он сидел в овчинной шубе на террасе нашей сакли и рассказывал нам какую-то историю. А на телеграфных проводах сидели ласточки и своим пением прерывали рассказ отца, вернее, не прерывали, а музыкально сопровождали его. Закончив, отец вдруг обратился ко мне:

— Скажи, что старше — песня или сказка?

— Конечно, песня старше, — сказал я, — ее поет мама еще у колыбели. А сказку рассказывают потом, позже.

— А кто тебе рассказывает сказки?

— Дедушка и бабушка.

— А знаешь ли ты, кто старше — мама или дедушка с бабушкой? Вот ласточки поют песню, а эти горы и скалы рассказывают сказки.

— Горы и скалы?

— Да, слушай их. Им тысячи лет...

Седые горы, укутанные синими туманами, говорят, что они когда-то были злыми, огромными аздахами. Драконы эти, аздахи, лишили Аварию водных источников. Но юноша-горец острым мечом убил аздаха, и мертвый дракон превратился в гору. А другого аздаха убила наповал метким и острым словом молодая горянка — дочь бедняка, — так образовалась вторая гора. Был и третий аздах: мои аульчане напустили на него сварливую женщину. Испугался ее дракон и убежал. И до сих пор, говорят, бежит и не может остановиться. Седые сказки моей Аварии, моего Дагестана!

Сколько мудрости и благородной простоты в них!

В детстве меня будили песни птиц и песни матери. А вечерние сказки моих горных аулов дарили мне сладкие предутренние сны.

Сны быстро забывались, но сказки запоминались навсегда. Не знаю и не ведаю, что появилось раньше — песня или сказка? В моем представлении они — два лебяжьих крыла из сказки моего детства. Только у лебедя, что плавает по озерной глади, крылья одноцветные, белые, а у моего лебедя они будто выкроены из радуги. Не знаю и не ведаю, что появилось раньше — ласточка или пушистый котенок? Но оба они мирно жили в моей сакле, и ласточка своим пением, а котенок своими сказками доставляли мне огромную радость. Песня и сказка одинаково дороги мне. Они — жемчужины разного цвета, нанизанные на единую нить. И порвись нить — рассыплется ожерелье.

Сказочность в поэзии и поэзия в сказках тесно сомкнуты, как кинжал с ножнами. Рассказывают, когда малолетний сын легендарного Шамиля — Джемалутдин, взятый русскими в заложники, через двадцать лет «по милости» царя был возвращен родному Дагестану, то оказалось, что юноша забыл все: и молитвы, и язык родной, и Дагестан, и его суровые обычаи. Ничто не напоминало этому горцу в шинели царского офицера о родине, и он, выросший на

чужбине, рвался в Петербург. Но мать спела ему песню об Аварии, ту самую, что слышал он в колыбели, и в нем проснулась душа горца. Он вспомнил родную саклю, суровые горы, израненные, истекающие кровью аулы, — вспомнил родину. И сбросил юноша с плеч чужую шинель, надел горскую черкеску и попросил у отца кинжал, чтоб сражаться за родной край. Песня матери вернула его родине. Песня матери возродила в нем любовь к свободной бедности горцев.

Мне было года четыре, когда умер мой дед, но я хорошо его помню. Это был белобородый горец с карими живыми глазами, всегда в черной бурке. И, думается, лицо его я запомнил на всю жизнь, оттого что дед рассказывал мне сказки и легенды моих гор. Лица тех, кто в ауле рассказывал мне сказки и пел песни, запечатлены в моем сердце. Но лица тех людей, кто не рассказывал мне сказок, я не могу себе ясно представить, хотя эти люди, наверное, здравствуют и поныне. Помню, когда я слушал белобородых сказителей, мне казалось, не они рассказывают эти удивительные сказки, а горы,

древние пещеры, похожие на пасти чудовищ, сама земля и вода, солнце и луна.

Сказки возвращают меня к далекому детству, к родному аулу в Хунзахских скалах. Хунзахские скалы открыли мне большой и волшебный мир своими легендами и сказками о могучих нартах, что заступались за бедный люд, о могущественном Шамиле и о храбром Хаджи-Мурате, о веселом, неунывающем Дингир-Дангарчи, по дождевой струе поднявшемся на небо, и, конечно, о моем горском Насреддине. Он живет в каждом ауле. Находчивость его и остроумие известны всему миру.

О, сказки моего детства! Когда я был маленьким, вы меня лечили от обид и болезней. Когда я нетерпеливо ждал возвращения отца и старших братьев под крышу родной сакли, вы сокращали часы моего ожидания. Когда сам я после долгих странствий спешил домой к близким и родным, вы облегчали мне горные подъемы и спуски. Вы сокращали все расстояния и дарили мне весеннее тепло в зимние звездные ночи. И сейчас, когда я бываю вдали от родины, на душе моей становится легко и светло, лишь только

вспоминаю вас. Дни и ночи проходят незаметно, и сердце устремляется к прекрасному; а душа не растает с песней — все эти бесценные сокровища дарите мне вы.

Но не это главное в вас. Вы — бессмертные свидетели богатства мысли, величия цели, красоты и героизма моего маленького народа.

Вы, сказки, можете дать ответ на многие вопросы, которые по сей день волнуют каждого писателя. Как ни в одном жанре, сочетаются в вас стройная простая композиция с глубоким идейным содержанием, вымысел — с действительностью, поэзия — с прозой, высокая романтика — с трезвым реализмом, национальное, самобытное — с общечеловеческим, традиция — с новаторством. Вы — самый старый и в то же время самый современный жанр. После вас для меня ничто не ново в нашей литературе. А какая образность повествования живет в вас, какая краткость и точность! Вы рассказываете об одиноком бедняке и сравниваете его с одинокой тучей в ясном небе, с копной дыма, что оторвалась от дымоходной трубы и задумчиво повисла над саклей. Радость и восхищение вы уподобляете белым цветам, которые пробиваются из-под снега.

Да, аварцы еще с давних пор умели удивительно образно мыслить, хоть и не умели читать и писать. Они создали и сберегли для поколений гениальные произведения, отражающие их дух и характер.

Перед юными горцами, чтобы проверить ум и находчивость, ставили три условия: разрубить тупым топором пень, вспахать каменистый горный склон и, конечно, рассказать три сказки. Последнее из этих условий было поставлено и передо мной в мою первую встречу с незабвенным и бесконечно дорогим Самуилом Яковлевичем Маршаком. Он попросил меня рассказать какую-нибудь аварскую сказку. И я рассказал о Дингир-Дангарчи. Самуил Яковлевич раз десять повторил это имя — Дингир-Дангарчи — и сказал, что хорошо бы написать для детей книгу о Дингир-Дангарчи.

Самуил Яковлевич считал сказки творениями удивительных людей.

Кто же эти удивительный люди?

Никогда не принимал я и не приемлю соавторства в литературе, впрочем, как и в музыке, и в живописи. Я склонен сравнивать каждого художника с отдельным ульем, державой.

Но сказки — это творение всего народа, мыслящего едино. Творение земледельца и мельника, каменщика и золотых дел мастера, гончара и лесника. Это творение безымянных писателей и философов. Сказки созданы и верой, и мечтой, и мудростью, и подвигом, и печалью, и радостью. В них отражена история народа.

- Сказки, скажите мне, где и когда вы родились? Я уверен, вы родились у очага в бедной сакле, у костра чабана. Недаром простого мельника с запорошенными мукой усами вы превращаете в падишаха и, наоборот, падишаха — в мельника, а подвиги совершают простые, незаметные люди. Они, эти люди, — творцы сказок. Во дворцах не слагали сказок живущим, там они были не нужны. Не в упрек будет сказано имаму Шамилю, даже он говорил: «Мы горцы, мы все время воюем. Нам некогда заниматься песнями и сказками. Пусть наши недруги сочиняют о нас песни и сказки, лязг наших кинжалов и звон наших шашек дает им богатый материал!»

Печальной была судьба многих певцов и сказителей в прошлом.

За песню зашили рот певице-сказительнице Анхил-Марин, ослепили Саида Кочхюрского, сослали в Сибирь Ирчи-Казака. Из-за угла убили Махмуда, пытались отравить молодого Эльдарилава. Но песня и сказка бессмертны, как бессмертна сама жизнь.

Печальна была в прошлом судьба всего моего народа, создавшего эти сказки. Дед мой, бывало, говаривал: «Младшим везет только в сказках». Он имел в виду прошлое аварского народа, который теснили со всех сторон, обрекая на вымирание. Но пришла пора, и малые народы стали рядом с большими, как братья. Это Ленин через Октябрь отыскал для людей верную дорогу, и на нее ступили народы Страны гор. Недаром в горской песне поется о Ленине:

Ты первым пришел и людьми нас назвал,

И оружие победное в руки нам дал.

Иные думают, что сказки устарели и как жанр изживают себя. Нет, жанр сказки никогда не устареет и никогда не умрет. Ибо не иссякает и не умирает в сердцах людей мечта. И всегда

народное творчество будет оказывать влияние на развитие литературы, на произведения писателей. Конечно, есть писатели, которые, как телята, ни на минуту не отпускают вымя коровы — фольклора, а есть и такие писатели, которые строят мельницу там, где нет воды, — в стороне от народного творчества. Ошибаются и те и другие.

Только тогда в полную силу зазвучит слово, когда в нем соединится индивидуальность автора с самобытностью его народа. Нельзя отрываться от того, что создано народом на протяжении тысячелетий, как нельзя строить мельницы там, где нет воды. Сказки как жанр, созданный народом, — великий и бессмертный источник, откуда мы черпаем свои произведения.

ПЕСНИ ОДНОГО НАРОДА

НЕ МЕШАЮТ ПЕСНЯМ ДРУГОГО...

*Генеральному секретарю
Болгарской коммунистической партии
тов. Петру Младенову*

Я один из многих советских людей, кто испытывает радость по поводу наметившихся в Болгарии благотворных перемен и принимает близко к сердцу все, что касается Вашей прекрасной страны. Надеюсь поэтому, что мои слова обращения не будут восприняты как «вмешательство во внутренние дела Болгарии», ибо считаю себя человеком не посторонним для этого «кусочка из запасов рая», как называют Вашу страну, и желаю Болгарии того же, чего желаю своей стране и своей малой родине — Дагестану, — обновления, справедливости, благоденствия.

Я многократно бывал в Болгарии, приобрел там друзей, посвятил стране немало стихов и песен. В стихах воспевал красоту, величие и радушие Вашей многокрасочной Родины. Но жизнь, как известно, состоит не из одних

восторгов. Я замечал и нечто, что, к сожалению, хорошо мне было знакомо и по своей стране и что не могло не тревожить при мысли о возможных последствиях. Особенно чувствителен я к проблемам межнациональных отношений, так как сам происхожу из многонационального Дагестана, где книги издаются на десяти языках, песни поются на сорока языках, а в последнее время появилась опасность того, что горцы могут разругаться на пятидесяти языках. Раньше мне казалось, что даже само обсуждение национального вопроса приводит не столько к решению его, сколько к размежеванию народов. Может быть, я ошибался. Вопрос, вероятно, в том, как вести это обсуждение. Во всяком случае, та цепная реакция взаимных нападок представителей разных национальностей, отмечаемая, в частности, и на Кавказе, конечно, не путь решения проблем. Тем более, что наибольшую активность проявляют несостоявшиеся писатели, непримиримая часть ученых и обиженные на процессы обновления бывшие должностные лица.

Но почему в этой связи я говорю о Болгарии? Итак, я бывал десятки раз в Болгарии. Видел христиан и мусульман, видел, в какой

дружбе жили люди, носящие непохожие имена и фамилии. В одних и тех же городах видел и мечети, и церкви, в которых проповедовали одно и то же: «Не убий! Не укради! Не лжесвидетельствуй!» Однако в какой-то момент и этот небосклон заволокло тучами. Часть народа Болгарии, говорящая на турецком языке, стала чувствовать себя ущемленной. Не думаю, что это доставляло радость и славянской части населения страны. С болью и горечью рассказывали мне обо всем этом многие представители болгарской интеллигенции. Вызывало это недоумение и у широкой общественности за пределами Болгарии. Действительно, существует ли название тому, когда представителей государственной власти не устраивают имена некоторой части своих сограждан? История моей страны знает трагические эпизоды, когда правителей не устраивали не только имена и языки, но само существование отдельных народов. Но время все расставило по местам. Народы возродились, а те, кого они не устраивали, названы преступниками.

Сейчас мир переживает такое время, когда людям должно быть проще понять такие человеческие истины, что песни одного народа не

мешают песням другого народа, что язык языку не враг и им не обязательно поглощать друг друга. Я понимаю историческую боль и обиду болгарского народа в отношении Турции. Долгие страдания страны и попытки лишения народа самого дорогого для него — свободы — не исчезают без следа. Они оставляют рубцы на сердцах и новых поколений. К счастью, немногочисленный, но великий в моих глазах болгарский народ через все невзгоды истории пронес свой язык, свою религию и свою культуру. Думаю, что именно поэтому такому народу к лицу доброта, красота и благородство, но никак не предубежденность к людям, непохожим на тебя.

Сам я по национальности аварец, язык мой отличается от турецкого настолько же, насколько и болгарский. Народ моей родины — Дагестана — тоже страдал от кривой турецкой сабли. Но у меня нет счетов к туркам как к народу. Мне не в чем винить Назыма Хикмета и Азиза Несина. Думаю, не должно быть для этого оснований и у болгарина. Непонятна поэтому ситуация, когда в стране величественных монастырей и храмов мечети закрываются на бессрочный «ремонт», в стране, где свято чтится память об ушедших и

могилы их осыпаются прекрасными болгарскими розами, кто-то посягает на могильные памятники части своих сограждан. Обидно, когда время от времени слышишь, что в стране Орфея одна часть населения страны чувствует себя ущемленной только за своеобразие ее языка, мелодий и песен. Насколько все это соответствует традициям Болгарии? Делает ли это честь веку и миру, в котором мы живем?

Я обращаюсь к вам, уважаемый товарищ Младенов, в эти часы мужественных перемен и поистине исторических решений не оставлять без внимания затронутый здесь непростой вопрос. Ошибки, совершенные нами, лучше исправить самим, чем оставлять их в недоброе наследство потомкам.

С уважением Расул Гамзатов
3 декабря 1989 года

СЛОВО О ДРУЖБЕ ЛЮДЕЙ...

У нас много сказано о дружбе народов, но мало сказано о дружбе людей. Может быть, это и не нужно. Ибо ясный полдень незачем освещать горящими лампами, и нет необходимости отапливать квартиры летом. Людская дружба, так же, как правда, не нуждается в эпитетах, и ее не принято украшать словесными узорами. Особенно это не принято среди тех, кто тысячам хороших слов предпочитает один хороший поступок. Поэтому и мне трудно писать о Мустае Кариме, тем более когда надо это делать прозой.

Но и не легко молчать об этом замечательном человеке.

Как-то Мустай говорил о том, что у него три радости в жизни: дороги, люди и воспоминания. Я тоже благодарен дорогам своей жизни. На них я встретил много хороших и разных людей, доброта и дружба которых подарили мне много радости и сделали мою жизнь более цельной и совершенной. Я никогда не был беден друзьями и до сих пор встречу с каждым новым интересным человеком рассматриваю как

праздник моего сердца, как опровержение моих разочарований в жизни. А у меня были горестные разочарования в друзьях, кое-кто из них попал в число бывших. Это мое состояние хорошо выразил в стихах Мустай Карим:

Целует ветер — и все больше листьев,

Срываясь, улетают от ствола.

Проходят годы — и все меньше близких

Друзей сидит у моего стола.

Как ветры годы. И не жди пощады

От их хлопот: тревожное родство!..

Иные имена остаться б рады,

Да опадают с сердца моего.

Опадают! Немало было таких, с которыми мне пришлось расстаться. Говоря словами Некрасова: «Одни друзья оставили меня, перед другими сам я запер дверь». Я всегда в этом вопросе придерживался принципа великого и вечного Омара Хайяма: «Лучше быть голодным, чем есть что попало». Но есть друзья, о которых писал Мустай:

Иные сорок заморозков встретят,
Но, и замерзнув, не слетят с ветвей.
Как не терзает ветер, как не треплет —
Они к березе приросли своей...

И мой Мустаи вот уже двадцать лет находится неизменно и за праздничным столом, и у печального камина моих дум и чувств, куда я в дни радости и горя собираю самых близких и родных. С ним очень хорошо. Он никогда не мельчает. Он добрый, щедрый, правдивый, красивый. Об этом знают многие. Но если он еще кое-кому незнаком или о нем кто-то знает лишь понаслышке, я спешу рассказать о нем, хотя бы коротко, надеясь, что читатели не ограничатся этим шапочным знакомством, а будут стремиться поближе узнать его — ведь он не принадлежит к тем людям, о которых лучше слышать, чем видеть. Рассказать о человеке коротко — значит рассказать о самом главном, что вас больше всего трогает в его судьбе и характере. Для меня главное в Мустае Кариме — его привязанность и любовь к людям. Он писал:

Когда кусок пути, что мне назначен,
Тот, что зовется жизнью, прохожу,
В глаза людей, как в звезды, я гляжу
И слышу: так держать, и не иначе!..

И в ясный день, и вечером морозным,
Чернее сумрак или зной лютей,
Я путь определяю не по звездам,
А — как по звездам — по глазам людей,
По радостным, печальным и серьезным...
Гляжу в глаза, чтобы с пути не сбиться,
Чтоб в песне не солгать, не ошибиться.

Да, путь Мустая Карима и в поэзии, и в жизни освещен тем добрым светом, который исходит от лиц людей, из глаз друзей. А в пути было много горестей и радостей, и он был и в том и другом случае достоин их. Поэт не бывает без

ран. Раны (как бы они ни были тяжелы) он принимал без стоны, награды (как бы они ни были высоки) он принимал без зазнайства. Он меньше всего принадлежал себе, а принадлежал своим друзьям, людям своей земли, родному аулу, городу, стране. Но в дни радости он бывает более одиноким, чем в горестные, печальные дни.

Я познакомился с Мустаем Каримом в одной из московских больниц сразу после войны. На больничной койке лежал тяжелобольной двадцатилетний красивый воин и поэт. Меня привели к нему его стихи, рассказы о нем и люди, любившие его. Их уже тогда было много. Тяжело было смотреть на участника первых боев, видевшего поле боя и в последний день войны, когда стоял сплошной лес немецких винтовок, воткнутых штыками в землю, на человека, который перенес тяжелые ранения и выходил невредимым из окружения, а теперь, прямо из похода, попал в такой неприятный «очаг», где его мучил туберкулез.

— Там, на войне, некогда было болеть. Теперь наступило для этого «немного подходящее» время, — пошутил Мустай. — Сорок

недоделанных дел остается у меня, — с горечью добавил он.

— Что ты, друг, все успеем сделать — впереди жизнь. Видишь, как много у тебя друзей. Они тебя спасут, и недуг исчезнет, — говорили мы ему.

— Да, друзья меня балуют. Но я капризный... Хочу большего, хочу, чтобы они меня на руках носили. Ведь так, кажется, носят покойников?

Этот горький юмор Мустая запомнился мне на всю жизнь. Потом поэт отразил его в одном из своих стихотворений. Но благодаря жажде жизни, любви к людям и, как он сам пишет, «заботе и помощи многих друзей и незнакомых», после пяти лет борьбы с недугом он становится на ноги. «Как много знали мы вместе, как много мы видели вместе, как мечтали мы все вместе! Частица души каждого из них пройдет со мною», — писал впоследствии о своих друзьях Мустай. И в горести и радости он никогда не подводил друзей. А годы были у него полны неожиданных событий. Его нежное сердце окрепло, и сам он как-то признал, что оно огрубело и становится каменным. Но

мысли о своих друзьях, любимых, о своей родной стране делают поэта снова нежным и впечатлительным, и он пишет книгу стихов «Цветы на камне», в которой есть и такие строки:

Любимая, ты помнишь об Урале,
О синих далях, о весенних днях,
О том, как мы однажды любовались
Цветами, выросшими на камнях?

У них от зноя огрубели стебли,
Перевились в колючие жгуты,
Но, венчики пахучие колебля,
Цвели все лето нежные цветы.
Когда бы сердце впрямь окаменело
Среди боев без края и числа,
Моя любовь, которой нет предела,
Цветами бы на камне расцвела.

Люди-цветы, люди-звезды — эти замечательные стихи полны любви к людям. Многие считают, что, когда решаются судьбы стран, некогда думать конкретно об отдельных простых людях. Но Мустай говорит: «Ведь не иголка человек, чтоб потеряться вдруг». События должны утверждать каждого человека, а не проглатывать его. В тяжелые дни, когда был ранен, Мустай писал: «О, я так испугался, что потеряю тебя, если вдруг навсегда замолчит мое сердце. Сам увидишь — это естественно, но вместе с тобой уходят люди, которые в тебе жили, — это страшно». Думать о людях до самозабвения, любить их до самозабвения — этим наполнено все творчество Мустая Карима.

Есть поэты со своими темами, со своими поэтическими манерами. Манеры Мустая — это его жизнь. Любовь к людям — для него это не фраза. Это колыбельная песня, которую пела ему мать. А мать пела о дружбе. О ней он и писал в своих стихотворениях. Я вижу поэта всегда в хлопотах: кого-то, несправедливо обиженного, устраивает в институт, кого-то, неправильно осужденного, помогает освободить.

Мустай Карим живет в столице родной Башкирии — Уфе. Но он меньше горожанин, а больше селянин. Каждое лето он уезжает в свой родной аул, а вместо писем присылает мне травы, травы земли Салавата Юлаева. И я был счастлив перевести на мой родной аварский язык стихи этого подлинно народного поэта. Башкирия находится на границе Азии и Европы, и Мустай Карим сочетает в себе две культуры — Востока и Запада, не противопоставляя их. Я вижу орла, тени от крыльев которого падают и на Европу, и на Азию. Никакие ветры не мешают его полету, а если дуют они, он, как и полагается орлу, летит против ветра.

Я хочу закончить эту статью стихами, которые обратил к Мустаю Кариму в минуту моего одиночества, как всегда обращаются к лучшему другу:

Это снова снега замели
Или, может, выдавшие виды
На конях белогривых вдали
Из-за гор вылетают мюриды.

Шапку сняв на пороге родном,
Я стряхнул седину непогоды.
И клубятся снега за окном,
Словно годы, Мустай, словно годы.

Быстро таяли календари,
И, хоть мы не менялись для моды,
Что ты, милый мой, не говори,
Изменили и нас эти годы.

Ошибались с тобой мы не раз,
Ушибались:
хмельны и тверезы,
И прозревших не прятали глаз,
Где стояли жестокие слезы.

Помню:
на сердце камень один

Мы носили, покуда в разлуке
Был с Кавказом Кулиев Кайсын,
Переживший молчания муки.

Книгу памяти перелистай,
Распахни перед прошлым ворота,
Мы с тобой повзрослели, Мустай,
И мельчать мы не будем, как кто-то.

Головам нашим буйным, седым
Дерзких помыслов предана свита,
Мы уверенно в седлах сидим,
Коням падавшие под копыта.

На снегу раздуваем костер,
Сторонимся сердец осторожных
И не в каждый кидаемся спор:

Слишком много их — пустопорожних.

Любоваться собой недосуг,
Нас зовет и торопит дорога,
Не о славе — о слове, мой друг,
Позаботимся нежно и строго.

Поклоняясь любви и уму,
Дышит время высокого лада,
Сами знаем мы что и к чему,
И вести нас за ручку не надо.

То окована стужей земля,
То бурлят ее вешние воды,
Наши лучшие учителя —
Это годы, Мустай, это годы.

Пишет нам из больницы в письме
Боль, стихающая под бинтами,
Грешник, кающийся в тюрьме,
Исповедуется перед нами.

Пишет пахарь и сеятель нам,
Не уйдешь от прямого ответа.
Годы мчатся под стать скакунам,
Оседлала их совесть поэта.

Скоро песни вернувшихся стай
Зазвенят над разбуженной чашей,
Хорошо, что ты рядом, Мустай,
Верный друг и поэт настоящий!

1981 г.

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ
Расула Гамзатова «Мой Дагестан»,
процитированные в книге Р.Г.Абдулатипова
«Мой дагестанский народ».
– Москва-Махачкала, МГУКИ, 2011 г.

НАРОД

"Скажи, Америка такая же большая страна, как и наша? У них больше населения или у нас?" — так спрашивала моя мать в 1959 году, когда я возвратился из Америки.

Умеющий веселиться без шума и звона,
Умеющий плакать с сухими глазами,
Умереть умеющий без жалкого стона
Таков человек, рожденный горами.

В ночное окно в тихом, спящем ауле, может быть, в дождь, может быть, в хорошую погоду, раздается короткий стук.

— Эй, есть там мужчина? Седлай коня!

— А ты кто?

— Если спрашиваешь "кто", оставайся дома.

От тебя толку не будет.

И опять: стук,стук.

— Эй, есть там мужчина в доме? Седлай коня!

— Куда? Зачем?

— Если спрашиваешь "куда", "зачем", оставайся дома. От тебя толку не будет.

В третий раз раздается стук.

— Эй, есть там мужчина в доме? Седлай коня!

— Сейчас. Я готов.

Вот мужчина, вот горец! И поехали они вдвоем. Стук, стук. "Есть там мужчина? Седлай коня". И вот их уже не двое, не трое, не десять, а сотни и тысячи. К орлу прилетел орел, за человеком пошел человек. Так и образовался народ Дагестана. Ущельные ветры качают люльки, горные реки поют колыбельные песни:

— Где ты был, Дингир-Дангарчу?

— В лес ходил Дингир-Дангарчу.

Родился сын — под подушку положили кинжал. На кинжале надпись: "У отца была рука, в которой я не дрожал, будет ли у тебя такая?"

Родилась девочка, на колыбель повесили колокольчик с надписью: "Будешь сестра семи братьев".

Качаются в ущельях зыбки на веревках, перекинутых с одной скалы на другую. Растут сыновья, растут и дочери. Вырос народ Дагестана, выросли у него усы, можно закручивать.

И стало дагестанского народа один миллион и сто тысяч. Пошла о нем слава по отдаленным горам, обожгла эта слава ненасытные сердца

завоевателей, потянулись к Дагестану жадные руки.

Дагестанцы говорили: "Оставьте нас в покое у наших домашних очагов, с родителями и женами. Нас и так мало".

Враги отвечали: "Если вас мало, то разрубим каждого из вас надвое, и вас будет больше".

Начались войны.

Загорелся, запылал Дагестан. На склонах гор, в ущельях, в скалах погибло сто тысяч лучших сынов Дагестана, самых молодых, крепких, отважных.

Но остался миллион. А ветры по-прежнему качали колыбели, не умолкали колыбельные песни. Выросло сто тысяч новых дагестанских сынов. Дали им имена погибших героев. И тогда на Дагестан надвинулось нашествие арабов.

Была великая битва, и был от битвы великий шум. Отсеченные головы катились по ущельям словно камни. Погибло сто тысяч лучших сынов Дагестана. Сто тысяч воинов, сто тысяч пахарей, сто тысяч женихов, сто тысяч отцов.

Но остался миллион, и не перестали качаться люльки, не смолкли колыбельные песни:

— Где ты был, Дингир-Дангарчу?

— В лес ходил Дингир-Дангарчу.

Выросло новых сто тысяч, и пришел тогда из Ирана шах над шахами, смертоподобный Надир. Он собирался покорить мир, а уж с

Дагестаном хотел расправиться одним ударом. "Дуну на них и сдую, как пыль". Раскинул он шатры. "Неужели эти мыши собираются воевать против моих котов?" — так еще говорил шах над шахами перед началом битвы. Но в конце ее он сказал: "Все свое войско готов сменять на одного их героя Муртузали".

Много красивых слов говорил шах Надир. Но не по мычанью узнают силу быка, а во время дела. По ветру пустили горцы шаха над шахами, погнали его войско, как ветер гонит золу, обильно полили своей и чужой кровью бесплодную, выжженную Чохскую долину. С тех пор в Иране есть поговорка: "Если шах глуп, то он пойдет завоевывать Дагестан".

Я видел в Тегеране золотой трон шаха Надира, привезенный из Индии. Я видел его добычу из разных стран, я видел его кривой меч.

— Эта маленькая вещь держала в повиновении и страхе полмира, — сказали мне иранские друзья.

— Но не сумела дотянуться до маленького Дагестана.

В Мешхете стены музея шаха Надира расписаны стихами прославленных поэтов Ирана, восхвалявших шаха на все лады. Но и дагестанский народ триста лет поет песню об этом шахе:

Бегите, спасайтесь, мы вас не уьем,
Мы вас не прикончим на месте,
Чтоб вы рассказали о бегстве своем,
Мы вас оставляем для вести.

В Иране считают, что шах Надир объединил разрозненные народы и создал могучее Иранское государство. Может быть, оно так и есть. Но я к этому добавил бы, что он помог объединиться и разрозненным дагестанским народам, нашим сердцам. Их объединила общая ненависть к шаху-завоевателю.

В войне с шахом Дагестан потерял сто тысяч лучших своих сынов. Погибли чабаны, охотники, каменотесы, чеканщики, землепашцы, поэты...

Но остался миллион. Качались люльки, пели песни, джигиты увозили своих возлюбленных, согревались под одной буркой, обнимались, продолжали род Дагестана. Народилось сто тысяч новых сынов и дочерей, сто тысяч серпов, кинжалов, пандуров, бубнов.

Тогда началась еще одна война. В ущельях и на каменистых дорогах загремели пушки. В лесах на склонах гор застучали топоры. Засверкали штыки, засвистели пули.

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки.

Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на Восток.
И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый
И не счел врагов...

Да, трудно было их сосчитать. В наших песнях поется, что приходилось выходить одному на сто. "Отрубили руку — дрались другой рукой, отрубили голову — тела продолжали драться, —

рассказывали о той войне старики. Убитыми конями перегораживали дороги и ущелья, с высоких скал прыгали на штыки. Нам говорили: хватит лить кровь. Сопротивление бесполезно. Куда вы денетесь? У вас нет крыльев, чтобы взлететь в небо. У вас ведь нет таких когтей, чтобы зарыться в землю.

Но Шамиль отвечал:

— Есть крыло — моя сабля. Наши когти — наши кинжалы, наши стрелы.

Двадцать пять лет дрались горцы во главе с Шамилем. В те годы изменился не только внешний облик Дагестана, но даже названия мест и рек. Авар-Койсу стала называться Кара-Койсу, то есть Черной рекой. Появились Раненые скалы, Ущелье смерти, прославилась река Валерик, остались в народной памяти тропа Шамиля, дорога Шамиля, танец Шамиля.

Трагическим венцом войны стала гора Гуниб. На ее вершине последний раз молился имам. Во время молитвы в поднятую руку попала пуля. Не вздрогнул Шамиль и продолжал свой намаз. Кровь обрызгала колени имама и каменную плиту, на которой он стоял. Раненый имам довел до конца свою молитву. Когда он встал, приближенные сказали ему:

— Ты ранен, имам.

— Эта рана — пустяк. Она заживет. — Шамиль сорвал пучок травы и стал вытирать

кровь с руки. — Дагестан истекает кровью. Ту рану залечить труднее.

В этот самый тяжелый час имам призвал к себе на помощь своих храбрецов, давно уж взятых могилой. И тех, которые сложили головы на Ахульго, и тех, которые погибли в Хунзахе, и тех, которые остались лежать в каменистой земле близ аула Салты, и тех, которые похоронены в Гергебиле, и тех, которые пали в Дарго.

Он вспомнил своего одноаульца и предшественника, первого имама Кази-Магомеда, хромого Хаджи-Мурата, Алибекилава, Ахбердилава и многих еще храбрецов. Кто без головы, кто без руки, кто с простреленным сердцем, лежат они в дагестанской земле. Война — это значит смерть. Сто тысяч лучших дагестанских сынов.

А Шамиль, пересекая великую Россию, все еще твердил:

— Мал Дагестан, мал наш народ. Мне бы еще хоть капельку сабель.

В Верхнем Гунибе сохранился камень, на котором есть надпись: "На сем камне восседал князь Барятинский, принимая пленного Шамиля".

- Напрасны же были все твои старания, вся твоя борьба, - сказал Барятинский своему пленнику.

- Нет, не напрасны, - ответил Шамиль. - Память о ней сохранится в народе. Многих

кровников моя борьба делала братьями, многие враждовавшие между собой аулы она объединила, многие народы Дагестана, враждовавшие между собой и твердившие "мой народ", "моя нация", она слила в единый дагестанский народ. Чувство родины, чувство единого Дагестана я завоевал и оставляю своим потомкам. Разве этого мало?

Я спросил у отца:

- Почему арабы, Тимур, шах Надир шли на нас, проливали кровь, сеяли зло и ненависть? Зачем им нужен был Дагестан, похожий на волчонка, не познавшего нежности и ласки?

- Я расскажу тебе притчу об одном очень богатом человеке. Да, он был очень богат. Когда он поднялся на холм, то увидел, что вся долина от подножия гор до берега моря заполнена его отарами. Не видно конца и его рогатым стадам, и его резвым табунам. Весь воздух был наполнен блеянием ягнят. И возрадовалось сердце богатого человека, что вся земля - его земля и весь скот на земле - его.

Но вот взгляд богача упал вдруг на клочок земли, оставшийся свободным и пустым от его стад. И заныло тогда его сердце, будто кто нанес ему глубокую рану. Разгневался богач и закричал грозным голосом: "Эй! Что там за клочок земли, похожий на облысевшую шкуру? Неужели у меня не хватит овец, чтобы заполнить его?! Гоните туда отары, гоните стада!"

Но больше всего отец любил рассказывать о самом Шамиле. Например, о том, как Шамиль победил смелого разбойника. Однажды имам со своими мюридами приехал в какой-то аул. Старейшины аула встретили его враждебно. Они сказали:

- Нам надоела война. Мы хотим жить мирно. Если бы не ты, мы давно бы помирились с царем.

- Эй вы, что были раньше горцами! Вы что же, хотите есть дагестанский хлеб, а служить его врагам? Разве я нарушил ваш мир и покой? Я его защищаю.

- Имам, мы ведь тоже дагестанцы, но мы видим, что эта война ничего хорошего Дагестану не дает и не даст. На одном упрямстве далеко не уедешь.

- Вы дагестанцы? По месту вы и правда живете в Дагестане, но сердца у вас заячьи. Вам нравится ворошить угли в очаге, когда Дагестан истекает кровью. Откройте ворота! Или мы их откроем саблями!

Долго переговаривались аульские старейшины с имамом, наконец решили впустить его и принять мирно как высокого и почетного гостя. За это Шамиль дал им слово не убить ни одного человека в этом ауле и не вспоминать о старых грехах. Он остановился в сакле верного своего кунака и жил тут несколько дней, ведя переговоры со старейшинами аула.

В то время в самом ауле и в его окрестностях промышлял ужасный разбойник, великан более чем двухметрового роста. Он грабил всех подряд, отнимал зерно, скот, коней, убивал и запугивал жителей аула. Для него не было ничего святого. Аллах, царь и имам были для него пустые слова.

Тогда старейшины аула обратились с просьбой к Шамилю:

- Имам, освободи нас от этого разбойника.

- Но что я с ним должен сделать?

- Убить, имам, убить. Он же сам многократный убийца.

- Я дал слово вашему джамаату не убивать в этом ауле ни одного человека. Слово надо держать.

- Имам, найди способ, освободи нас от злодея!

Через несколько дней мюриды Шамиля окружили разбойника, поймали и связали его, а приведя в аул, посадили в подвал. Чтобы наказать преступника по заслугам, собрался специальный суд-диван. Постановили выколоть бандиту глаза. Слепив, снова посадили злодея в подвал, под замок.

Прошло несколько дней. Однажды ночью, ближе к рассвету, когда Шамиль спал крепким сном, раздался в его комнате шум и грохот. Имам вскочил, огляделся. Видит, что, раскошав

топором дверь, надвигается на него гора – звероподобный человек, похожий на дэва, рычащий, извергающий проклятия. Имам понял: разбойнику удалось каким-то образом убежать из-под замка и теперь он пришел отомстить.

Гигант надвигался скрипя зубами. В одной руке он держал огромный кинжал, в другой – топор. Имам тоже схватил свой кинжал. Он звал мюридов, но разбойник успел зарубить их. Аул спал. Никто не слышал зова имама.

Отступая, Шамиль ловил удобный момент, чтобы напасть на противника, а тот сослепу прыгал туда и сюда, метался и махал топором. Он разворотил топором все, что было в комнате.

- Где же ты, храбрец, о котором рассказывают книги? - кричал гигант. Где ты прячешься? Иди, свяжи мне руки, поймай меня, выколи мне глаза.

- Я здесь! - громко крикнул имам и тотчас отскочил в сторону. Топор врезался глубоко в стену как раз в том месте, где секундой раньше стоял Шамиль. Тогда он улучил минуту, прыгнул на своего врага. Тот был сильнее, лютее. Начал кидать и швырять Шамиля, успел несколько раз поранить.

Но ловкость и быстрота Шамиля всякий раз выручали, ему удавалось избежать смертельного ранения. Борьба длилась около двух часов. Наконец разбойник схватил Шамиля, поднял над

головой и хотел ударить об пол, а потом и отрубить голову. Но поднятый в воздух Шамиль изловчился и успел ударить несколько раз кинжалом по голове разбойника. Тот внезапно сник, ослабел, закачался и рухнул, как кирпичная башня. Кинжал выпал из его рук. Утром нашли их обоих в луже крови. У Шамиля оказалось девять ран, и ему целый месяц еще пришлось лечиться в том ауле.

Борьба Шамиля с могущественным внешним противником во многом напоминала эту драку. Противник в незнакомых ему горах иногда действовал как бы вслепую. Шамиль же ловко увертывался от ударов и внезапно нападал то сбоку, то сзади.

У каждого горца, наверное, есть свой образ Шамиля. Я тоже вижу его по-своему.

Он еще молод. На плоской скале Ахульго, припав на колени, он воздел в небо руки, только что омытые волной Аварской Койсу. Рукава черкески засучены. Губы шепчут какое-то слово - некоторые утверждают, что, когда во время молитвы он шептал "аллах", слышалось людям - "свобода", а когда он шептал "свобода", слышалось людям - "аллах".

Он уже стар. На берегу Каспия он навсегда прощается с Дагестаном. Он пленник белого царя. Он поднялся на камни и окинул взглядом кипящие воды Каспия. Губы его вместо "аллах" и "свобода"

шепчут "прощай". Говорят, что на щеках его видели в тот час капли влаги. Но ведь Шамиль никогда не плакал. Возможно, это были морские брызги.

И все же ярче всего он представляется мне, по рассказу отца, в тесной сакле один на один с разъяренным разбойником, в длительной и кровавой борьбе.

С Хаджи-Муратом они жили то в мире, то в ссоре. Много легенд существует о них, много былей.

Возведя Хаджи-Мурата в сан наиба, Шамиль послал его в Хайдак и Табасаран, чтобы привлечь их на свою сторону, вернее, чтобы вовлечь их в войну. Он надеялся, что Хаджи-Мурат будет действовать убеждением, однако новый наиб навел в Хайдаке и Табасаране порядок кнута и огня. Если кто осмеливался заикаться о законе, Хаджи-Мурат показывал свой кулак и говорил: "Вот ваш закон. Я Хаджи-Мурат из Хунзаха. Я и есть для вас главный закон".

До Шамиля дошли слухи о жестокостях Хаджи-Мурата. Он послал гонца и вызвал наиба к себе. Тот вернулся с большой добычей. Его отряд гнал впереди себя стада рогатого скота, отары овец, табуны лошадей. Сам Хаджи-Мурат держал поперек седла похищенную красавицу.

- Ассалам алейкум, имам! - приветствовал Хаджи-Мурат своего вождя, сходя с коня.

- Ваалейкум ассалам, наиб. С приездом тебя. С чем хорошим приехал?

- Не с пустыми руками. Есть серебро, есть отары, есть кони, есть ковры. Хорошо ткут ковры в Табасаране.

- А красавицы не найдется?

- Есть и красавица. Да еще какая! Для тебя привез, имам.

Воины некоторое время смотрели в глаза друг другу. Потом Шамиль сказал:

- Скажи, с этой красавицей, что ли, я пойду воевать? Мне нужны не овцы, а люди. Мне нужны не кони, а всадники. Ты угнал у них скот. Но этим ты ранил их сердца и отворотил от нас. Они должны были стать нашими воинами, заменить убитых и раненых. А кем их теперь заменишь? Разве случилось бы с нами то, что случилось в Салты и Гергебиле, если бы хайдакцы и табасаранцы были с нами? И разве допустимо, чтобы одни дагестанцы разоряли других дагестанцев?

- Имам, но другого языка они не понимали!

- А ты постарался сам понять их язык? Если бы понял, то обошлось бы без кнута и огня. Разве разбойники мои наибы?

- Имам, я - Хаджи-Мурат из Хунзаха!

- Я тоже - Шамиль из Гимры. А Кебед-Магомед из Телетля, а Гусейн из Чиркея. Ну и что из того? Аварцы, хиндаляльцы, кумыки, лезгины,

лакцы, ограбленные тобой хайдакцы и табасаранцы - все мы сыновья одного Дагестана. Мы должны понимать друг друга. Ведь мы - пальцы одной руки. Для того, чтобы получился кулак, все пальцы должны крепко-крепко соединиться. За храбрость спасибо тебе, Хаджи-Мурат. За это ты достоин любой награды. Твоя голова увенчана чалмой. Но теперь я тебя не одобряю.

- Когда другие в таких же чалмах грабили, ты ничего им не говорил, имам. Теперь, где бы гром ни гремел, все на мою голову.

- Я знаю, кого ты имеешь в виду, Хаджи-Мурат: Ахбердилава, моего сына Кази-Магомеда или даже меня самого. Но Ахбердилав ограбил в Моздоке нашего врага. Я отнял добро у ханов, которые не хотели идти вместе с нами и даже пытались противостоять нам. Нет, Хаджи-Мурат. Чтобы быть набом, недостаточно иметь смелое сердце и острый кинжал. Надо иметь еще хорошую голову.

Такие споры часто возникали между Шамилем и Хаджи-Муратом. Эти распри раздувались, преувеличивались молвой, и в конце концов злая вражда разделила их. Хаджи-Мурат покинул Шамиля, ушел на другую сторону, лишился головы. Тело его погребено в Нухе. Знаменательное разделение: голова досталась

врагу, а сердце осталось в Дагестане. Какая судьба!

ГОЛОВА ХАДЖИ-МУРАТА

Отрубленную вижу голову
И боевые слышу гулы,
А кровь течет по камню голому
Через немирные аулы.
И сабли, что о скалы точены,
Взлетают, видевшие виды.
И скачут вдоль крутой обочины
Кавказу верные мюриды.
Спросил я голову кровавую:
"Ты чья была, скажи на милость?
И как, увенчанная славою,
В чужих руках ты очутилась?"
И слышу вдруг:
"Скрывать мне нечего,
Я голова Хаджи-Мурата,
И потому скатилась с плеч его,
Что заблудилась я когда-то.
Дорогу избрала не лучшую,
Виной всему мой нрав тщеславный..."
Смотрю на голову заблудшую,
Что в схватке срублена неравной.
Тропинками, сквозь даль
простертыми,
В горах рожденные мужчины,

Должны живыми или мертвыми
Мы возвращаться на вершины.

Перевел Я. Козловский

Увезли имама из Дагестана. Настроили крепостей с амбразурами во все стороны. Пушки и ружья смотрели из амбразур. Они хотя и не стреляли, но как бы говорили: "Смирно сидите, горцы, ведите себя хорошо и тихо".

В печальной доле племя этих гор,
В печальной доле реки, звери, птицы,
Казалось, нет дороги на простор
И только в смерти выход из темницы.

"Земля дикарей", - сказал один губернатор, уезжая из Дагестана. "Они живут не на земле, а в пропасти", - писал другой.

"Этим диким туземцам и та земля, что есть, - лишняя", - утверждал третий.

Но даже в то глухое время звучали голоса Лермонтова, Добролюбова, Чернышевского, Бестужева-Марлинского, Пирогова... Да, были в царской России люди, понимавшие душу горца, сказавшие добрые слова о народе Дагестана. Если бы горцы могли тогда понять их язык!

Вечный снег на горах Дагестана,
Вечной ночи над ним темнота,
- сказал некогда Сулейман Стальский, глядя на родную землю.

"С тех пор, как Дагестан посадили в темницу, все месяцы года имеют по тридцать одному дню", - писал некогда мой отец.

"Горы, мы с вами сидим в подвале", - сказал некогда Абуталиб.

"От такого горя и тур грустит в горах", - пела некогда Анхил Марин.

"Об этом мире и думать нечего. У кого жирнее хинкалы, у того больше и славы", - махнул рукой Махмуд.

"Счастья нигде нет", - сделал вывод, объездив весь мир, кубачинец Ахмед Мунги.

Но Ирчи Казак писал: "Мужчина Дагестана везде должен оставаться мужчиной Дагестана".

Но тот же Батырай писал перед смертью: "Пусть у храбрых не рождаются робкие сыновья".

Но тот же Махмуд пел:

Если тур заплутался в горах, где темно,
Иль тропу, или смерть он найдет все равно.

Но тот же Абуталиб сказал: "Этот мир вот-вот загремит. Пусть же он загремит громче".

И пришло время - раздался гром. Ударило далеко, не сразу докатилось до Дагестана, но все уже было разделено на две части зримой красной чертой: история, судьбы, жизнь каждого человека, все человечество. Гнев и любовь, мысль и мечты - все разделилось надвое.

- Загремело!..

- Где загремело?

- По всей России.
- Что загремело?
- Революция.
- Чья революция?
- Детей трудового народа.
- Ее цель?
- Кто был ничем, тот станет всем.
- Ее цвет?
- Красный.
- Ее песни?
- "Это есть наш последний и решительный бой".
- Ее армия?
- Все голодные и горестные. Великая армия труда.
- Ее язык, нация?
- Все языки, все нации.
- Ее глава?
- Ленин.
- Что говорит Революция горцам Дагестана?

Переведите нам. Герои и певцы перевели на все наречия Дагестана язык революции:

"Веками угнетенные народы Дагестана! В наши дома, на наши поля по извилистым горным тропинкам пришла великая Революция. Слушайте ее и служите ей. Она говорит вам слова, которых вы никогда не слышали. Она говорит:

- Братья! Новая Россия подает вам свою руку. Принимайте ее, сплетайтесь с нею в крепком рукопожатии, в ней ваша сила и ваша вера.

- Дети ущелий и гор! Открывайте окна в большой мир. Начинается не день новый, а новая судьба. Идите навстречу этой судьбе!

- Теперь вы не обязаны гнуть спину перед сильными. Отныне на вашего коня не сядет чужой. Теперь ваши кони - ваши кони, ваши кинжалы - ваши кинжалы, ваши поля - ваши поля, ваша свобода - ваша свобода".

Так перевели язык "Авроры" на языки народов Дагестана. Его перевели Махач, Уллубий, Оскар, Джелал, Кази-Магомед, Магомед-Мирза, Гарун и другие мюриды революции, хорошо знавшие горести Дагестана.

И пошел Дагестан навстречу своей судьбе. Горцы приняли цвет и песни революции. Но испугались ее враги. Это над их головами загремел гром, под их ногами зашаталась земля, перед ними вскипело море, за их спинами обрушились скалы. Затрясся и рухнул старый мир. Разверзлась глубокая пропасть.

- Дайте руку! - взмолились враги революции, называвшие себя друзьями Дагестана.

- Ваши руки в крови.

- Постой, не уходи, оглянись, Дагестан!

- А на что оглядываться, что позади?

Нищета, ложь, темнота и кровь.

- Маленький Дагестан! Куда ты?

- Искать большое.

- Окажешься ты как маленький челнок в большом океане. Пропадешь. Исчезнут твой язык, твоя религия, твои адаты, твоя папаха, твоя голова! угрожали они.

- Я привык ходить по тесным тропинкам. Теперь, на широкой дороге, неужели сломаю ногу? Слишком долго я искал этот путь. Ни один волос не упадет с моей головы.

- Дагестан - вероотступник. Он погибает. Спасите Дагестан! - каркали вороны, выли волки. Кричали, угрожали, просили, убивали, обманывали. Кто только не кидал камень в зажженный фонарь! Кто только не пытался сжечь великий мост! Знамя сменялось знаменем, разбойник сменялся разбойником. Словно шубу в зимнюю холодную ночь, тянули друг у друга, рвали в клочья маленький Дагестан. А он метался, как тур, освобожденный от цепи. Каждый с жадностью хищника кинулся ловить его для себя. Какие только охотники не стреляли в него!

"Я, имам Дагестана Нажмудин Гоцинский, выбран народом у Андийского озера. Моя сабля ищет папахы, увенчанные красным лоскутом материи!" "Братья по религии, мусульмане! Идите за мной. Это я поднял зеленое знамя ислама", - так говорил зычным голосом другой человек. Его звали Узун-Хаджи.

"Пока я не вздерну на жердь голову последнего большевика и не выставлю ее на самой высокой горе Дагестана, я не повешу свое оружие на гвоздь!" шумел князь Нухбек Тарковский.

Как раз в тот год в Хунзахе построил себе дворец полковник царской армии Кайтмаз Алиханов. Он позвал одного горца, чтобы показать ему новое жилище. Довольный собой и дворцом, Кайтмаз спросил:

- Ну как, хорош мой дворец?

- Для умирающего человека даже слишком хорош, - ответил горец.

- Зачем мне умирать?

-Революция...

- Ее я в Хунзах не пущу! - сказал полковник Алиханов и вскочил на белого скакуна.

"Я Саидбей - родной внук имама Шамиля. Пришел сюда от турецкого султана, чтобы с помощью его аскеров освободить Дагестан", - так заявил еще один пришелец, а с ним были всевозможные турецкие паши и беи.

"Мы - друзья Дагестана", - кричали интервенты, и на земле Дагестана высадился британский десант.

"Дагестан - это ворота Баку. И я на этих воротах повешу крепкий замок!" - хвалился полковник царской армии Бичерахов и разрушил Порт-Петровск.

Много было непрошенных гостей. Чья только грязная лапа не рвала рубаху на груди Дагестана! Какие знамена здесь не промелькнули! Какие ветры не крутились! Какие волны не разбивались о камни!

"Если ты не покоришься, Дагестан, мы столкнем тебя в море и утопим!" грозили пришельцы.

В то время мой отец писал: "Дагестан похож на животное, которое со всех сторон клюют птицы".

Была стрельба, был огонь, была кровь, дымились скалы, горел хлеб, разорялись аулы, болезни косили людей, крепости переходили из рук в руки. И длилось все это четыре года.

"Продав поле, покупали коня, продав корову, покупали саблю", говорили тогда горцы.

Ржали лошади, теряя всадников. Вороны клевали глаза убитых.

Отец сравнивал Дагестан того времени с камнем, через который с шумом протекло множество разных рек. А мать сравнивала его с рыбой, плывущей против многих бурных потоков.

Абуталиб вспоминает: "Каких только зурнистов не повидала наша страна!" Сам он был зурначом партизанского отряда.

Сейчас перьями пишут ту повесть, ту историю, которая была уже написана саблями. Сейчас, изучая те дни, взвешивают на весах и

славу, и подвиги. Оценивая героев, ученые спорят между собой, можно даже сказать, воюют.

Но герои отвоевали. И мне, право, не важно, кто был первым, кто вторым, а кто третьим. Важно другое: революция вложила свой кинжал в ножны, полый черкески стерев кровь последнего убитого врага. И горец из этого кинжала уже выковал серп. Свой острый штык он воткнул между камней на откосе. Налегая на соху, начал пахать свою землю, понукая, погнал своих быков, нагрузил на арбу сено со своего поля.

Водрузив красное знамя на вершине горы, Дагестан закрутил усы. Из чалмы лжеимама Гоцинского он сделал пугало, а самого имама покарала революция. Перед судом взмолился Гоцинский: "Белый царь в живых оставил Шамиля. Волос не упал с его головы. Почему же вы меня убиваете?"

Дагестан и революция ему ответили: "Такому, как ты, Шамиль тоже отрубил бы голову, он говорил: "Предателю лучше находиться в земле, чем на земле". Да, кара свершилась, и ни одна гора не содрогнулась, никто не заплакал, никто не установил на его могиле каменного надгробья.

Через Цунтинские леса бежал на своем белом коне Кайтмаз Алиханов. Бежали с ним и два его сына. Но их настигли красные партизанские

пули. Белый конь полковника, понурившись, хромая на одну ногу, вернулся в крепость Хунзах.

- По неверной дороге пустили они тебя, - сказал бедному животному Муслим Атаев. - И Дагестан хотели пустить по такой же дороге.

Прогнали и Бичерахова. В волнах Каспия утонули его разрозненные отряды. "Аминь", - сказали волны, смыкаясь над ними. "Аминь, - сказали и горы, - пусть в ад попадут те, кто на земле творил ад".

В Стамбуле я пошел на базар. Окружавшие меня бывшие аварцы показали мне там одного старика, шедшего сквозь толпу. Он был похож на мешок, из которого высыпали зерно.

- Он - Казимбей.

- Какой Казимбей?

- Тот, который приходил в Дагестан с войсками султана.

- Неужели он еще жив?

- Тело, как видите, живо. Нас познакомили.

- Дагестан... Знаю я эту страну, - сказал дряхлый старик.

- Вас в Дагестане тоже знают, - сказал я.

- Да, я там был.

- Еще приедете? - спросил я нарочно.

- Больше не приеду, - сказал он и поспешил за свой прилавок. Неужели этот мелкий торговец на стамбульском базаре забыл, как он в Касумкенте прямо в поле убил трех мирных

землепашцев? Неужели он не вспомнил скалу в горах, с которой бросилась юная горянка, лишь бы не попасть в руки его янычар? Неужели не вспомнил этот торговец, как к нему из сада привели мальчонку, как он отобрал у него вишню и косточкой плюнул прямо ему в глаза? Но, во всяком случае, не забыл он, как бежал в нижнем белье и как горянка крикнула ему вслед: "Эй, вы забыли папаху!"

Бежали из Дагестана грабители. Бежали британские десантники. Бежал Казимбей, бежал Саидбей, внук Шамиля.

- Где сейчас Саидбей? - спросил я в Стамбуле.

- Уехал в Саудовскую Аравию.

- Зачем?

- По торговым делам. Там у него есть немного земли.

Торговцы! Не пришлось вам поторговать в Дагестане. Революция сказала: "Базар закрыт". Кровавой метлой вымела она из горской земли всю нечисть. Теперь лишь чахлые тела "защитников и спасителей Дагестана" бродят где-то в чужих краях.

Несколько лет тому назад в Бейруте состоялась конференция писателей стран Азии и Африки. Меня тоже послали на эту конференцию. Приходилось иногда выступать не только на конференции, но и в других местах, куда нас

приглашали. На одном таком вечере я рассказывал о своем Дагестане, о его людях, обычаях, читал стихи разных дагестанских поэтов и свои.

После вечера на лестнице меня остановила молодая красивая женщина.

- Господин Гамзатов, можно ли поговорить с вами, не уделите ли вы мне немножко времени?

Мы пошли по вечерним улицам Бейрута.

- Расскажите о Дагестане. Пожалуйста, все, - просила моя неожиданная спутница.

- Но я только что рассказывал целый час.

- Еще, еще!

- А что вас интересует больше?

- О, все! Все, что касается Дагестана!

Я начал рассказывать. Мы брели наугад. Не давая мне еще закончить, она просила:

- Еще, еще.

Я рассказывал.

- Прочтите свои стихи на аварском языке.

- Но вы же ничего не поймете!

- Все равно.

Я читал стихи. Чего не сделаешь, когда просит молодая красивая женщина. К тому же в ее голосе чувствовался такой искренний интерес к Дагестану, что отказать было нельзя.

- А не споете ли вы аварскую песню?

- О нет. Петь я не умею.

"Сейчас заставит меня танцевать", - подумалось мне.

- Хотите, я вам спою?

- Сделайте милость.

В это время мы вышли к морю, зеленовато освещенному яркой луной.

И вот в далеком Бейруте неизвестная мне красавица на непонятном языке запела для меня дагестанскую песню "Далалай". Но когда она запела вторую песню, я понял, что поет она на кумыкском языке.

- Откуда вы знаете кумыкский язык? - удивился я.

- К сожалению, я его не знаю.

- Но песня...

- Этой песне меня научил мой дедушка.

- Он что, был в Дагестане?

- Да, в некотором роде он бывал.

- Давно?

- Видите ли, мой дед - Нухбек Тарковский.

- Полковник?! Где он сейчас?

- Жил в Тегеране. В этом году умер. Умирая, он все время просил меня петь ему эту песню.

- О чем она?

- О перелетных птицах... Он меня научил и одному дагестанскому танцу. Смотрите!

Женщина вся засветилась, как молодая луна, она легко вскинула руки и поплыла по кругу, словно лебедь по озеру.

Потом я попросил ее еще раз спеть песню о перелетных птицах. Она и перевела мне слова.

Придя в гостиницу, я по памяти записал песню, но уже переводя на аварский язык.

Да, в Дагестан пришла весна. Но я все думаю: какое отношение имеет князь Нухбек Тарковский к этой песне о перелетных птицах? Зачем ему, живущему в шахском Тегеране, вспоминать солнце красных гор, ему, полковнику, который бежал от революционного края и от мести Дагестана? Как он мог испытать чувство тоски по родине?

Сначала, живя в Иране, Тарковский говорил: "То, что произошло со мною и с Дагестаном, - ошибка судьбы, и я вернусь туда, чтобы исправить эту ошибку". Он и вместе с ним другие эмигранты каждый день ходили на берег Каспия, чтобы узнавать новости из Дагестана. Но они видели каждый раз, что на мачтах кораблей, плывущих по Каспию, полощутся красные флаги. Осенью, глядя на летящих с севера птиц, тоскующая его жена пела песни. Пела она и эту песню о перелетных птицах. И сначала князю Тарковскому эта песня очень не нравилась.

Шли годы. Выросли дети. Состарился полковник. Он понял, что навеки лишен Дагестана. Он понял, что Дагестану предназначена другая судьба, что страна эта сама выбрала для себя единственный и правильный путь. И тогда престарелый князь тоже запел песню о перелетных птицах.

Отец говорил:

- Дагестан не пойдет с теми, кто не пошел с Дагестаном.

Абуталиб добавлял:

- Кто сел на чужого коня, тот быстро свалится. Наш кинжал не идет к чужому покрою одежды.

Сулейман Стальский писал:

"Я был подобен клинку, зарытому в землю. Советская власть вытащила меня, отчистила от ржавчины, и я заблистал".

Отец еще говорил:

- Хоть мы и всегда были горцами, но только сейчас поднялись на вершину горы.

Абуталиб добавил:

- Дагестан, выходи из подвала!

Моя мать пела, качая люльку:

Спи спокойно, мир в горах настал,

Выстрелов не слышно среди скал.

- Самый короткий месяц февраль, а какой важный, - говорил также Абуталиб, - в феврале свергли царя, в феврале образовалась Красная Армия, в феврале Ленин принял делегацию горцев.

В то время в далеком ауле Ругуджа женщины сложили песню о Ленине:

Ты первым пришел и людьми нас назвал,

Оружье победное в руки нам дал,

Как гуси, услышав орла, разлетаются прочь,

От Ленина-солнца развеялась темная ночь.

У маленького народа большая судьба. Поют дагестанские птицы. Звучат слова сынов революции. О них говорят дети. Имена их высечены на могильных камнях. Но у иных героев не известны могилы.

Я люблю тихой ночью бродить по улицам столицы Дагестана. Когда читаю названия улиц, мне кажется, снова заседают ревкомы республики. Махач Дахадаев! Слышу я его голос: "Мы - борцы революции. Языки наши, имена наши, характеры наши - разные. Но у всех нас есть одно общее: верность революции и Дагестану. Никто из нас не пожалеет ни крови, ни жизни ради революции и Дагестана".

Махача убили разбойники из отряда князя Тарковского.

Уллубий Буйнакский. Слышу его голос: "Враги меня убьют. Убьют они и моих друзей. Но сжатые в единый кулак наши пальцы никакому врагу не удастся разжать. Этот кулак тяжел и верен, потому что его сжали беды Дагестана и идеи революции. Он схватит за горло угнетателей. Знайте об этом".

Молодого дагестанского коммуниста, двадцативосьмилетнего Уллубия убили деникинцы. Они убили его в пустыне. Теперь там растут маки.

Слышу я голос Оскара Лещинского, Казимагомеда Агасиева, Гаруна Саидова, Алибека Багатырова, Сафара Дударова, Солтан-Саида Казбекова, отца и сына Батырмурзаевых, Омарова-Чохского... Их много, убитых. Но каждое имя - это огонь, звезда, песня. Все они герои, оставшиеся вечно молодыми. Они наши дагестанские Чапаевы, Щорсы, Шаумяны. Они погибли в Ахтах, в ущелье Ая-Кака, у Касумкентского потока, за стеной Хунзахской крепости, в сожженном Хасавюрте, в древнем Дербенте. В Араканском ущелье нет камня, который не обогрен кровью дагестанских комиссаров. В Мочохских кряжах была расставлена западня для отряда Багатырова. Видели кровь Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск и все четыре Койсу, куда теперь бросают цветы в память о погибших. Погибли сто тысяч дагестанцев - коммунистов и партизан. Но другие народы узнали о Дагестане. Миллионы друзей протянули руки красному Дагестану. Познав тепло этих дружеских рук, дагестанцы сказали: "Теперь нас немало".

Война не рождает людей. Но в огне революционных боев родился новый Дагестан.

13 ноября 1920 года был созван Первый чрезвычайный съезд дагестанских народов. На съезде от имени правительства РСФСР выступил

Сталин. Он объявил автономию Стране гор - Дагестану. Новое имя, новый путь, новая судьба.

Вскоре дагестанский народ получил подарок. Ленин прислал свою фотографию с надписью: "Красному Дагестану". Кубачинские златокузнецы и унцукульские краснодеревщики создали невиданную рамку для этого портрета. В этом же году из махачкалинского порта вышел новый пароход - "Красный Дагестан". Но и сам Дагестан походил теперь на могучий корабль, вышедший в большое новое плавание.

"Утренняя звезда". Так называли первый дагестанский журнал. Пришло в Дагестан утро. Открылись окна в широкий мир.

В трудные дни гражданской войны, когда в горах хозяйничали отряды Гоцинского, мой отец получил письмо от однокашника по медресе.

В письме бывший соученик рассказывал о Нажмудине Гоцинском и о его войсках. В конце письма отец прочитал: "Нажмудин недоволен тобой. Мне показалось, что он очень хотел бы, чтобы ты обратился к горской бедноте со стихами, где рассказал бы правду об имаме. Я взял на себя обязанность связаться с тобой и обещал ему, что ты это сделаешь. Прошу тебя, исполни мою просьбу и желание имама. Нажмудин ждет твоего слова".

Отец ответил: "Если ты взял на себя такое обязательство, то ты и пиши стихотворение о

Нажмудине. Что касается меня, то я не намерен проводить воду к его мельнице. Вассалам, вакалам..."

В то же время большевик Магомед-Мирза Хизроев вызвал отца в Темир-Хан-Шуру и предложил сотрудничать в газете "Красные горы". В этой газете и было опубликовано стихотворение отца "Обращение к горской бедноте".

Отец писал о новом Дагестане, он сотрудничал в газете "Красные горы". Шло время. У Магомеда-Мирзы Хизроева родилась дочка. Позвали отца, чтобы он выбрал ей имя. Высоко подняв девочку, отец провозгласил:

- Загъра!

Загъра - это значит звезда.

Родились новые звезды. Росли дети, носящие имена погибших героев. Весь Дагестан стал похож на большую колыбель.

Каспийские волны пели ему колыбельные песни. Огромная страна склонилась над Дагестаном, как над ребенком.

А мама пела тогда песни о ласточках, о травах, прорастающих из-под камней, о цветах, расцветающих осенью. Под эти колыбельные напевы выросли в нашем доме три сына и одна дочь.

И вновь выросли в Дагестане сто тысяч сыновей и дочерей. Выросли землепашцы, скотоводы, садоводы, рыбаки, каменотесы,

чеканщики, агрономы, врачи, учителя, инженеры, поэты, артисты. Поплыли корабли, полетели самолеты, загорелись невиданные доселе лампы.

- Теперь я стал хозяином большого богатства, - сказал Сулейман Стальский.

- Теперь я в ответе не только за аул, но и за всю страну, - сказал мой отец.

- Мои песни, летите в Кремль! - воскликнул Абуталиб.

Новые поколения создавали новые черты народа.

Великая Страна Советов - могучее дерево. Дагестан - ветка на нем.

И вот, чтобы это дерево выкорчевать, чтобы сжечь его ствол и его ветки, напали на нас фашисты.

В тот день жизнь должна была идти своим чередом. В Хунзахе воскресный базар. В крепости - выставка достижений сельского хозяйства района. Отряд молодежи пошел штурмовать вершину Седло-горы. Аварский театр готовил к постановке пьесу моего отца "Сундук бедствий". Вечером должна была состояться премьера.

Но утром открылся такой сундук бедствий, что все остальные бедствия пришлось забыть. Утром началась война.

Тотчас потянулись из разных аулов цепочки мужчин и молодых людей, вчера еще мирных пастухов и земледельцев, а сегодня защитников

Родины. Старушки, дети и женщины стояли на крышах всех дагестанских аулов и долго глядели вслед уходящим. И уходили надолго, многие навсегда. Только и слышалось:

- Прощай, мама.
- Будь здоров, отец.
- До свидания, Дагестан.

- Счастливой дороги вам, дети, возвращайтесь с победой. Из Махачкалы, как бы отделяя горы от моря, идут и идут поезда. Они увозят молодость, силу, красоту Дагестана. Эта сила понадобилась всей стране. Слышалось то и дело:

- До свидания, невеста.
- Прощай, жена.
- Не оставляй меня, я хочу с тобой.
- Вернемся с победой!

Идут поезда. Идут непрерывные поезда.

Вспоминаю родное педучилище. У братской могилы жертв революции выстроен конный дагестанский полк. Им командует красный партизан, прославленный Кара Караев. Суровые, сосредоточенные лица. Полк принимает присягу.

Девяностолетний горец перед уходящим полком произносит речь:

- Жалко, что мне сегодня не тридцать лет. Но и я могу отправиться вместе с тремя сыновьями.

Потом появились: эскадрилья истребителей "Дагестан", танковая колонна "Шамиль", бронепоезд "Комсомол Дагестана". Отцы и дети воюют в одном ряду. Военская доблесть снова засветилась над горами. Браслеты, серьги, пояса, кольца, подарки женихов, мужей и отцов, серебро и золото, драгоценные камни, старинное искусство Дагестана наши женщины отдали большой стране, чтобы она ковала победу.

Да, ушел на фронт Дагестан. Он воевал вместе со всей страной. В каждой воинской части, у моряков, у пехотинцев, у танкистов, у летчиков, у артиллеристов - всюду можно было встретить дагестанца: стрелка, пилота, командира, партизана. Со всех обширных фронтов стекались в маленький Дагестан скорбные письма.

В нашем ауле Цада семьдесят саклей. Почти столько же юношей ушло на войну. Мама говорила во время войны: "Я часто вижу во сне, будто все наши цадинские ребята собираются на Нижней поляне". Иногда, увидев звезду в небе, она говорила: "Наверно, эту звезду видят сейчас и наши аульские парни где-нибудь около Ленинграда". Когда с севера прилетали к нам перелетные птицы, моя мама спрашивала: "Не видали ли вы наших цадинских ребят?"

Горянки, читая письма, слушая радио, заучивали наизусть непонятные и трудные для них слова: Керчь, Брест, Корсунь-Шевченковский,

Плоешти, Констанца, Франкфурт-на-Майне, Бранденбург. Особенно путались горянки в двух названиях - Бухарест и Будапешт, - удивляясь, что это два разных города.

Да, где только не побывали юноши из аула Цада!

В сорок третьем году мы с отцом поехали в город Балашов. Там в госпитале умер мой старший брат. На берегу маленькой речки мы нашли могилу и прочитали надпись: "Магомед Гамзатов".

Отец посадил на могиле деревце, русскую березу. Он сказал:

"Расширилось теперь наше цадинское кладбище. Большим теперь стал наш аул".

ЦАДИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ...

В саванах белых,
Соседи, лежите вы, скрытые тьмой.
Вернулся домой я из дальних пределов,
Вы близко, но вам не вернуться домой.
В ауле осталось друзей маловато,
В ауле моем поредела родня...
Племянница - девочка старшего брата,
Сегодня и ты не встречала меня.
Что стало с тобой - беззаботной, веселой?
Года над тобою текут как вода.
Вчера твои сверстницы кончили школу,

А ты пятиклассницей будешь всегда.
И мне показалось нелепым и странным,
Что в этом краю, где вокруг никого,
Зурна моего земляка Бияслана
Послышалась вдруг у могилы его.
И бубен дружка его Абусамата
Послышался вновь, как в далекие дни,
И мне показалось опять: как когда-то,
На свадьбе соседа гуляют они.
Нет... здесь обитатели не из шумливых,
Кого ни зови, не ответят на зов...
Цадинское кладбище - край молчаливых,
Последняя сакля моих земляков.
Растешь ты, свои расширяешь границы,
Теснее надгробьям твоим что ни год.
Я знаю, в пределах твоих поселиться
Мне тоже когда-нибудь время придет.
Сходиться, куда б ни вели нас дороги,
В конечном итоге нам здесь суждено,
Но здесь из цадинцев не вижу я многих,
Хоть знаю, что нет их на свете давно.
Солдат молодых и седых ветеранов
Не дома настигла кромешная тьма.
Где ты похоронен, Исхак Биясланов,
Где ты, мой товарищ Гаджи-Магома?
Где вы, дорогие погибшие братья?
Я знаю, не встретиться нам никогда.
Но ваших могил не могу отыскать я
На кладбище в нашем ауле Цада.

На поле далеком сердца вам пробило,
На поле далеком вам руки свело...
Цадинское кладбище, как ты могилы,
Могилы свои далеко занесло!
И нынче в краях, в холодных и жарких,
Где солнце печет и метели метут,
С любовью к могилам твоим не аварки
Приносят цветы и на землю кладут.

Перевел Н Гребнев

У нас в ауле в сельсовете на стене висела во время войны большая карта. Тогда по всей стране много висело таких карт. Обычно на них отмечали красными флажками линию фронта. На нашей карте тоже были флажки, но обозначали они другое. Они были воткнуты в тех местах, где погибли наши цадинцы. Много было флажков на карте. Столько же, сколько и материнских сердец, раненных этими острыми булавками.

Да, не маленьким оказалось цадинское кладбище, не маленьким оказался наш аул.

Тоскующие матери ходили к гадалкам, гадалки успокаивали горянок: "Вот дорога. Вот огонь. Вот победа. Вернется к тебе твой сын. Наступит мир и покой".

Хитрили гадалыщицы. Но насчет победы они не ошиблись. На стене рейхстага среди прочих есть и такая надпись, вырезанная штыком: "Мы из Дагестана".

Снова старики, женщины и дети стояли на крышах саклей и глядели вдаль. Но теперь они не провожали, а встречали своих орлов. На горных дорогах не было верениц людей. Уходили все сразу, а возвращались поодиночке. У некоторых женщин на головах яркие, а у некоторых черные платки. Спрашивают чужие матери у тех, кто вернулся:

- А где мой Омар?

- Не видал ли моего Али?

- Скоро ли вернется мой Магомед?

И моя мать повязалась черным платком. Не вернулись Магомед и Ахильчи, два ее сына, два моих брата. Не вернулись многие из тех, кого видела мать в своих окнах играющими на Нижней поляне. Не вернулись те, кому гадальщицы предсказывали скорое возвращение. Сто человек не вернулись в наш небольшой аул. Сто тысяч человек не вернулись домой по всему Дагестану...

Смотрю на флажки на карте, читаю названия мест, вспоминаю имена моих земляков. В Баренцевом море остался Магомед Гаджиев. В Симферополе танкист Магомед-Загид Абдулмананов. В Сталинграде погиб пулеметчик Ханпаша Нурадилов, чеченец, но сын Дагестана. В Италии командовал партизанами и погиб храбрец Камалов...

В каждом горном ауле стоят пирамидные памятники, а на них имена, имена, имена. Горец

сходит с коня, подъезжая к ним, пеший снимает папаху.

Журчат в горах родники, носящие имена погибших. Старики сидят около родников, потому что они понимают язык воды. В каждом доме на почетном месте висят портреты тех, кто навсегда останется молодым и красивым.

Когда я возвращаюсь из какой-нибудь далекой поездки, некоторые матери спрашивают меня с затаенной надеждой: "Не встретился ли тебе случайно мой сын?" С надеждой и болью глядят они и на журавлей, пролетающих длинными стаями. Я тоже, когда они пролетают, не могу оторвать от них глаз.

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?
Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определенным строем,
Как по земле людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?
Летит, летит по небу клин усталый
Летит в тумане на закате дня,
И в том строю есть промежуток малый
Быть может, это место для меня!
Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьей окликаю
Всех вас, кого оставил на земле.

Перевел Н. Гребнев

Летят журавли, вырастают травы, качаются колыбели. Трех вынянчила люлька и в моем доме, три девочки родились у меня. А у другого - четыре, а у других - десять, а то и пятнадцать. Сто люлек качаются в ауле Цада, сто тысяч люлек качаются в Дагестане. По рождаемости Дагестан занимает первое место в Российской Федерации. Стало нас полтора миллиона. А чем больше народу, тем чаще свадьбы, а чем чаще свадьбы, тем больше людей.

В трех случаях нельзя медлить, говорят горцы: когда надо похоронить умершего, накормить гостя и выдать взрослую дочь замуж.

Во всех этих трех делах в Дагестане не опаздывают. Вот зарокотал барабан, запела зурна,

начались свадьбы. Поднимая первую чашу, провозгласят: "Пусть невеста родит сына!"

И еще три вещи, которые горец должен неукоснительно выполнять: выпивать рог до конца, беречь имя и не терять мужества в час испытаний.

А испытаний немало выпало на долю горцев. Немало бил молот судьбы по саклям Дагестана, чтобы раздробить их, но они устояли.

А между тем по-прежнему нет покоя в мире. То тут, то там на земном шаре раздается стрельба, рвутся бомбы, и, как всегда, матери прижимают к груди своих детей.

Когда появляются на небе дождевые тучи, земледелец спешит в поле, чтобы убрать скорее то, что скошено. Когда сгущается небо над миром, народы стремятся защитить мир, спасти его от военной грозы.

В Дагестане так говорят: драчливому быку отпиливают рога, кусачую собаку держат на цепи. Если бы и в мире существовал такой обычай, легко бы жилось. С думами о большом мире живет теперь маленький Дагестан.

Раньше, если горцы уходили в набег, не брали с собой слишком уж молодых джигитов. Но Шамиль сказал - надо брать. Невелик палец мизинец, но без него нет крепости кулака.

Пусть Дагестан будет мизинцем в большом и тяжелом кулаке целой страны. Тогда враги, при всем их старании, не разожмут этот кулак.

Кулак этот только для врагов, а на плече друга лежит просто широкая ладонь. Ну и у ладони все равно есть мизинец.

Когда бываю в других странах, прежде всего знакомлюсь с поэтами. Песня песню хорошо понимает. А еще я стараюсь познакомиться с земляками, если такие есть. Конечно, земляки за границей разные. Но не терплю высокомерия к землякам именно потому, что они разные. Я встречал их в Турции, в Сирии, в ФРГ, да и где только не встречал!

Иные дагестанцы оказались вдалеке от родины еще во времена Шамиля. Ушли от своих очагов на поиски счастья, которое не далось дома.

Другие уехали, не поняв революции или поняв, но испугавшись, а третьих революция выдворила сама. Есть и четвертые, самые негодные, самые жалкие и потерянные. Эти изменили родине уже во время последней войны.

Разных дагестанцев повидал я. В Турции побывал даже в дагестанском ауле.

- У нас здесь тоже маленький Дагестан, - сказали мне жители этого аула.

- Нет, вы не правы, Дагестан только один. Двух Дагестанов быть не может.

- А кто же, по-твоему, мы, откуда?

- Да, кто и откуда вы?

- Из Карата, из Батлуха, из Хунзаха, из Акуша, из Кумуха, из Чоха, из Согратля. Мы из разных аулов Дагестана, так же как и те, кто уже лежит в этих могилах на аульском кладбище. Мы тоже маленький Дагестан!

- Вы - были. Некоторые хотят еще быть. Может, и это дагестанцы? спросил я, показывая на портреты Гоцинского, Алихана и Узун-Хаджи.

- А кто же они? Они из нашего народа, одного с нами языка.

- Дагестан их языка не понял, а они не поняли язык Дагестана.

- Каждый по-своему понимает Дагестан. У каждого в сердце свой Дагестан.

- Но не каждого Дагестан считает своим сыном.

- Кого же считает?

- Приезжайте туда, где качаются колыбели наших детей.

- А что говорят там про нас?

- Камни, которые не подошли к стене и остались лишними, когда воздвигался Дагестан. Листья, унесенные осенним ветром, струны, несозвучные главным струнам пандура.

Так я разговаривал с земляками, живущими на чужбине. Среди них есть богатые и бедные, добрые и злые, честные и потерявшие честь,

обманутые и обманщики. Они танцевали при мне лезгинку, но бубен был чужой.

Мы не считаем этих людей, когда говорим, что нас, дагестанцев, полтора миллиона.

Когда я уезжал из Сирии, одна аварка все просила меня передать привет абрикосовому дереву в Гергебиле, потрогать его руками.

Аварские дети на берегу Мраморного моря, у которых отец уехал в Мекку на поклонение, сказали мне:

- А для нас Мекка - Дагестан. Того, кто побывал в Мекке, называют хаджи. А теперь для нас тот хаджи, кому удалось побывать в Дагестане.

Ко мне в Махачкале приходил однажды такой хаджи, который не был на родине сорок лет.

- Ну и как? - спросил я у него. - Изменился Дагестан?

- Если буду там рассказывать - не поверят. Но скажу им одно:

Дагестан есть!

Есть мой Дагестан! Есть республика! Есть народ, язык, имена, обычаи. Вот судьба Дагестана. Играются свадьбы, качаются колыбели, поднимаются тосты, поются песни.

«Я – ЗА СОЮЗ»

*(Интервью Расула Гамзатова
к 75-летию со дня рождения)*

— Как Вы относитесь к литературным премиям, наградам, званиям? Почему Вы в этом году не поехали получать премию им. М. Шолохова?

— Я в принципе хорошо отношусь к любым премиям и наградам. Приятно, когда поощряют всякий труд. Особенно поддерживаю литературные премии, так как их мало. Сам работал в Комитете по присуждению Государственных премий, когда давали премии и звания лауреата за конкретные произведения.

Но я не понимаю, хотя и сам народный поэт, когда звание народного получают по указам вышестоящих органов. Очень не люблю, когда автор подписывается «народный поэт». Дагестан занимает первое место по количеству народных поэтов как в России, так и во всем мире. Такого звания нет в России, нет во Франции, Италии, Англии, Грузии, Иране, Турции... Правда, Пушкина называют народным поэтом, но это звание дал ему народ. В начале это звание ввели из благих пожеланий. Сулейман Стальский, Гамзат Цадаса вышли из народа. Но когда сегодня профессиональные писатели с филологическим

образованием, окончившие Литературный институт им. М. Горького становятся народными к юбилею — это антилитературно. Юбиляр приходит заранее — «не дадите ли мне звание?» Это надо остановить. Да и процедура представления на звание «народного» вызывает, мягко говоря, недоумение. Я считаю, что сегодня это звание унижает подлинных писателей. Поэт не бывает антинародным. Само понятие «поэт» — это уже великое звание.

У меня много званий, но я недоумеваю, когда поэту дают звание Героя Социалистического Труда. Почему Герой Труда? Почему Герой Социалистического Труда? Когда я об этом спросил у Э. Межелайтиса, то он ответил, что звание ограждает нас от пуль завистников и недоброжелателей, направленных в нас. Не знаю, стоит ли давать звание ради этого. А других целей при награждении этим званием я не знаю. Хотя сам звание с удовольствием принял, не отказался и не откажусь. И сейчас от премии Шолохова не собираюсь отказываться, а не поехал получать только по состоянию здоровья.

К сожалению, сегодня идет небывалая раздача званий. Как в Дагестане, так и в России. Если так будет продолжаться, то литература, наука станут массовым явлением, как спорт. А массовость противопоказана культуре, опасна для нее. Пушкина назвали «солнцем русской поэзии»,

но солнце — одно. Звание дают солисту, но не хористам.

У меня есть единственное звание, которым я горжусь; оно не учреждалось Верховным Советом. Это звание — звание сына Гамзата Цадасы. Это самое высокое звание — звание сына своего отца, своего народа. Я хочу быть достойным этого звания.

— **Как Вы относитесь к тому, что о Вас пишут критики и литературоведы? Было время, когда читатели ожидали статьи Белинского о Пушкине с не меньшим нетерпением, чем произведения самого Пушкина — великий критик открывал читателю великого поэта, помогал его лучше, глубже понять, прочувствовать. Можно сказать, что Белинский понял Пушкина, но можно ли сказать, что Вы поняты критикой?**

— Во-первых, я — не Пушкин. Может быть, потому и Белинского сейчас нет.

Я очень интересуюсь критикой, когда меня критикуют, а относился к ней в разное время по-разному. В юности, когда писали хвалебные статьи обо мне, я был благодарен критикам. Наверное, потому, что был тщеславным. Сегодня меня раздражает, когда говорят «гений» или что-то в этом роде. Я благодарен критикам, извиняюсь перед ними, что я и моя поэзия отняли у них время. Обо мне писали многие писатели, наши и

зарубежные (Фадеев, Светлов, Твардовский и другие). Я разбалован критикой. Одно огорчает: это была кампанейщина. Писали обо мне или по поводу получения премии или к юбилейным датам. В таких случаях неизбежно преувеличение заслуг. С другой стороны, в последнее время я не был избалован премиями, но у меня вышли книги на русском языке («Колесо жизни», «О бурных днях Кавказа», «Полдневный жар» и другие), вышло на аварском языке собрание сочинений в восьми томах, однако, к моему удивлению, нет ни одной рецензии, ни одного отклика. Наверное, дагестанские критики ждут, когда московские критики откликнутся на выход книг. Критики сейчас в Дагестане вообще нет. Попробуй при всех званиях сейчас критиковать. Сегодня всех называют гениями, а гений — тот, кто каждый день с богом разговаривает.

Особенно меня огорчает то, что книги о моем творчестве выходили на русском языке, даже на бенгальском, но вот на аварском — нет. Я жду аварского критика. В аварской поэзии есть национальное начало, а в аварской критике — нет. Надо бы критике анализировать книги на национальных языках, а уж потом эти книги переводить. А то получается, что еще не написал, а уже перевели.

К сожалению, до сих пор нет точного, полного анализа отдельных стихотворений — есть

много общих слов. Я люблю критику с серьезным анализом того или иного произведения, с разбором причин, почему у поэта были те или иные удачи и неудачи. И все же я благодарен таким критикам, как Камиль Султанов, Камал Абуков, Магомед-Загид Аминов, Сиражудин Хайбуллаев, Магомед-Расул и другие, которые первыми разбирали мои произведения.

— **Сонеты Шекспира большинство читает и помнит в «приблизительных» переводах Маршака, ставших фактом русской литературы, а не в точных переводах Пастернака, почти подстрочниках. И тем не менее, Вам не приходила мысль опубликовать сборник своих стихотворений в собственном подстрочном переводе?**

— В подстрочнике было напечатано стихотворение «Моей внучке Шахри». Восемь переводчиков, каждый по-своему, перевели это стихотворение. Но мне говорили, что подстрочник — лучше. Когда я вижу плохой перевод, то возникает желание напечатать подстрочник. В прошлом мне предлагали напечатать книгу подстрочников, но сейчас даже переводы трудно издать.

Подстрочник — это проверка стиха на зрелость. По подстрочнику судить о поэте нельзя, но и без подстрочника тоже нельзя. Это не значит, что в поэзии есть то, что нельзя передать на

другом языке. Здесь имеет значение разность культур, разность особенностей национального стиха, национальной поэтики. Русский стих — силлабо-тонический, а аварский — силлабический, в нем очень важную роль играет аллитерация, а вот рифмы — нет.

О Пастернаке Вы заметили правильно, но сонеты Шекспира я люблю в переводе Маршака. Помню, в ЦДЛ со сцены читали сонеты Шекспира, слушатели выкрикивали из зала номера сонетов и каждый сонет воспринимали как событие.

— У Пастернака есть такие строки:

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

А какое, по-вашему, тысячелетье на дворе? (Я не случайно вспомнил Пастернака — у Вас с ним много общего в ощущении времени.)

— Пастернак имел ввиду не годы, а актуальность и гениальность поэзии.

Одни считают, что важно писать на злобу дня, а другие — для вечности. По-моему, все гениальное — актуально, а все актуальное должно

быть гениально написано. Я за то, чтобы актуальность и гениальность сочетались. Если в мгновении поэт найдет приметы вечности, то он — гений. В маленькой капле отражается солнце.

Маяковский предпочитал поэзию факта, а Пастернак — поэзию вечности. Цветаева писала, что Маяковский на поверхности, а Пастернак — в глубине. Я полностью согласиться не могу, ибо у Маяковского, особенно в ранних стихах, есть глубина вечности. Пастернак ко мне пришел позже, чем Маяковский. Маяковского все изучали в школе, а о Пастернаке мне рассказывали в Литинституте мои сокурсники. Очень много рассказывал о нем Наум Коржавин.

Если обратиться к дагестанской поэзии, то Батырай и Махмуд — глубинные поэты, а Гамзат Цадаса откликался на современные ему события. Но каждый из них — гений.

— У цирковых борцов начала века существовало понятие «гамбургский счет» — на публике борцы поддавались друг другу (сегодня побеждал один, назавтра — другой), но раз в год они съезжались в Гамбург и там без зрителей в схватках определяли истинного победителя. В Союзе писателей Дагестана более ста членов. А сколько их по гамбургскому счету?

— У нас, писателей, это трудно, даже невозможно определить. В армии солдаты в

шеренге рассчитываются на «первый-второй». У нас каждый считает себя первым. Наверное, это правильно. Гамбургский счет должны вести читатели.

Сейчас популярность писателя определяется не его книгами, не его талантом, а появлением на страницах газет, на радио, на телевидении. Такая популярность часто бывает хорошо организованной. Когда меня показали по телевидению — позвонило более ста человек, а когда вышла моя новая книга — телефон молчал.

Вспоминаются строки Бориса Пастернака:

Быть знаменитым — некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех...

У нас много таких, которые стали притчей на устах у всех, ничего не знача. Истинный поэт совершает свой подвиг в тишине, в одиночестве.

Что же касается гамбургского счета, то я могу назвать Батырая, Махмуда, Щазу из Куркли,

Гамзата Цадаса. Из современников — Рашида Рашидова, Бадави Рамазанова с его стихотворением «Девушка, разбившая кувшин», Ханбиче Хаметову с ее сонетами, Шарипа Альбериева. Есть надежда на Арбена Кардашева, Магомед Ахмедова. У меня с ними нет личной дружбы, но не отметить их я не могу.

Если по большому счету — мы маленькие поэты, по среднему — средние, по маленькому счету — большие поэты. Есть стрельба разного прицела. Так вот, у нас поэтов дальнего прицела — 5—6 человек, среднего прицела — 20-30 человек, а маленького — все остальные.

— Более сорока лет назад Вы написали циклы стихов об Армении, Грузии, Азербайджане — тут же тематически близкие циклы появились и у других дагестанских поэтов. Вы ввели в литературу понятие «аварский сонет» — это особая форма лирического стихотворения, не копирующая классический европейский сонет. Тем не менее, сегодня в Дагестане писать сонеты — европейские! — стало модно. Уже опубликованы даже венки сонетов... У Вас нет чувства вины за эпигонов?

— Что делать... Я не люблю циклы стихов — я люблю отдельные стихи. Я писал о русской учительнице. Этот стих похвалили. Меня это

вдохновило. Я написал о русских агрономах и т. п. После этого все стали писать на русскую тему.

Стихотворения о Грузии писал по вдохновению. Потом решил написать об Армении, но, по-моему, не получилось. Из цикла стихотворений об Азербайджане стихотворение «Самеду Вургуну» получилось, а остальные — неудачны.

Мустай Карим считал, что я книгу «Слово о старшем брате» написал ради премии... Камиль Султанов критиковал меня за тематичность моих стихов. Я ему благодарен сейчас, хотя тогда был обижен. Это теперь я понимаю, что в поэзии важна не тема, а проблема.

Смерть отца, Сталина заставили меня повзрослеть. Большое влияние на меня оказало письмо Фадеева, в котором он спрашивал, не слишком ли я тороплюсь. Он попал в точку. Я торопился.

«Письмена» я собирал для записной книжки, думал, что они пригодятся для другой книги. Но они отдельно получились. После этого все молодые стали писать 8-стишия, 4-стишия, 2-стишия.

Меня упрекали, что 8-стишия я взял у Батырая. Но тогда я не имел ввиду Батырая. Во-первых, мои восьмистишия до Батырая не дотягивают. Во-вторых, Батырай тут ни причем.

Просто небольшие по размеру стихотворения дисциплинируют, а я люблю дисциплину в стихах.

Потом я писал «Сказания». Не к юбилеям, не к датам. А в дни юбилеев многие стали писать о Шамиле.

Многие пишут сонеты ради сонетов, венки сонетов ради венков сонетов. Для них главное — форма. Это Омар-Гаджи Шахтаманов назвал мои стихи сонетами. Я писал сперва стихи, а потом делал из них аварские сонеты. На европейский сонет горский костюм я не надевал, не примерял и европейский костюм на аварскую поэзию. Я сшил свой костюм. Не все, кто сейчас пишут сонеты, эпигоны. Талантливо пишет сонеты Ханбиче Хаметова.

В любом случае, чувства вины за эпигонов у меня нет — худого барана никто не украдет.

— На основе стихотворения Горация «Памятник» писали свои стихи и Державин в 18-ом веке, и Пушкин в 19-ом. При этом каждый из них ставил себе в заслугу нечто иное, чем другие. Что бы Вы поставили себе в заслугу, если бы решили написать свой «Памятник» в конце 20-го века? Как вы можете прокомментировать последнюю строфу пушкинского «Памятника»:

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,

Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

— К большому сожалению, я не могу сказать, что я восславил свободу, милость к падшим призывал и не оспаривал глупца (в Союзе писателей это было невозможно).

Но у меня были и есть принципы. Сегодня многие поэты поют гимны главам администраций, лидерам национальных движений. Когда это было, чтобы героями поэм становились банкиры?! Я при всех вождях после Сталина работал, но о них ничего не писал. Я не скажу, что был в оппозиции, но не понимаю, когда сейчас пишут о живущих руководителях Дагестана.

О памятниках я не думаю. Мой памятник — мои лучшие стихи. В разговоре со мной Мустай Карим сказал, что нас с ним забудут после смерти, а потом вспомнят.

Я написал свой «Памятник», но стихотворение не переведено. Друзья отсоветовали мне его переводить — посчитали подражательным.

— **Кто Вам ближе сегодня по мироощущению — Пушкин или Лермонтов?**

— Я перевел обоих — и Пушкина, и Лермонтова. Пушкинские поэмы мне ближе — «Медный всадник», «Полтава». В прозе оба

гениальны. Лермонтов не написал бы «Маленькие трагедии», а Пушкин не создал бы «Маскарад».

По ощущению мне ближе Лермонтов. У Пушкина есть слишком патриотические стихи. Он плохо отзывался о поляках, о кавказцах — «Смирись, Кавказ, идет Ермолов». У меня есть ответ на эти пушкинские строки. Да и в строчке «Кавказ подо мною...» я вижу не только географию, пространство... Когда я сказал С. Я. Маршаку, что люблю Лермонтова, он мне ответил: «Читайте Пушкина». Как горцу мне ближе Лермонтов, как человеку своего времени — Пушкин.

— **Вот уже на протяжении многих лет Вы являетесь бессменным председателем Союза писателей Дагестана. Что дает Союз писателей сегодня своим членам? Не мешает ли Вам писать Союз писателей? Советский Союз распался на составные части, а что удерживает Союз писателей Дагестана от распада на национальные Союзы — аварский, даргинский, кумыкский и т. п. — Ваш авторитет или что-то иное?**

— Уже 47 лет я являюсь председателем Союза писателей Дагестана. Я давно хотел уйти, и меня хотели уйти.

Конечно, гораздо лучше было бы, если бы из Союза писателей не сделали бюрократической

организации. Руководить Союзом писателей — смешно. У меня нет приказной книги.

Писателям Союз дает больше, чем писатели Союзу. Союз материально помогал писателям. Союз писателей строит дома, посылает на учебу. Духовно Союз имеет два журнала. Без Союза не было бы переводов национальных поэтов. Хорошо, что писатели собираются вместе. Союз писателей — это писательский годекан. На этом годекане я никого не учу, но учусь у других.

Союз много сделал для умножения славы и чести Дагестана. Пока распада нет в народе, в Союзе писателей распада тоже не будет. Мы сможем укреплять дружбу народов. Этому способствуют, в частности, проводимые Союзом писателей День Матери, праздник «Журавли». «Союз» — хорошее слово. Я — за Союз.

— Вы всегда с теплотой вспоминаете годы, проведенные в Литературном институте, гордитесь своими Учителями (Твардовским, Фадеевым и многими другими)... А о ком Вы можете сказать: «Это мой ученик!»?

— Я боюсь отвечать на этот вопрос. По моему, учатся у меня не те ученики. Мне еще никто не сказал, что я — учитель. Есть те, кто повторяет (и хорошо повторяет) прошлое, но нового слова я не слышу.

Ахмедов Магомед считает меня своим учителем. Я не знаю, насколько он доволен учителем, но учеником я доволен.

По большому счету, все мы друг другу учителя и ученики. Наш учитель — жизнь.

Беседу вел Гаджикурбан РАСУЛОВ, июль 1998 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРЕЦ, С ДУШОЙ ПОЭТА

Сценарий к литературному вечеру
по мотивам произведения

РАСУЛА ГАМЗАТОВА

«МОЙ ДАГЕСТАН»..... 7

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выдержки из книги Расула Гамзатова «Мой Дагестан»

Слово о сказках моего детства..... 36

Песни одного народа

не мешают песням другого..... 46

Слово о дружбе людей..... 51

Отрывки из книги

Расула Гамзатова «Мой Дагестан»,
процитированные в книге Р.Г.Абдулатипова

«Мой дагестанский народ»..... 64

«Я – за Союз»

(Интервью Расула Гамзатова

к 75-летию со дня рождения)..... 112

**ГОРЕЦ
С ДУШОЙ ПОЭТА**
Сценарий к литературному вечеру
по мотивам произведения
РАСУЛА ГАМЗАТОВА
«МОЙ ДАГЕСТАН»

**Подготовлено
Республиканским Домом народного творчества
Министерства культуры Республики Дагестан**

**РДНТ МК РД
367010, г.Махачкала,
ул.О.Кошевого, 35 «А»
 тел./факс 8 (8722) 62-99-87,**

**Е-mail: rdnt35@vandex.ru,
web-site: www.dagfolk.ru.**